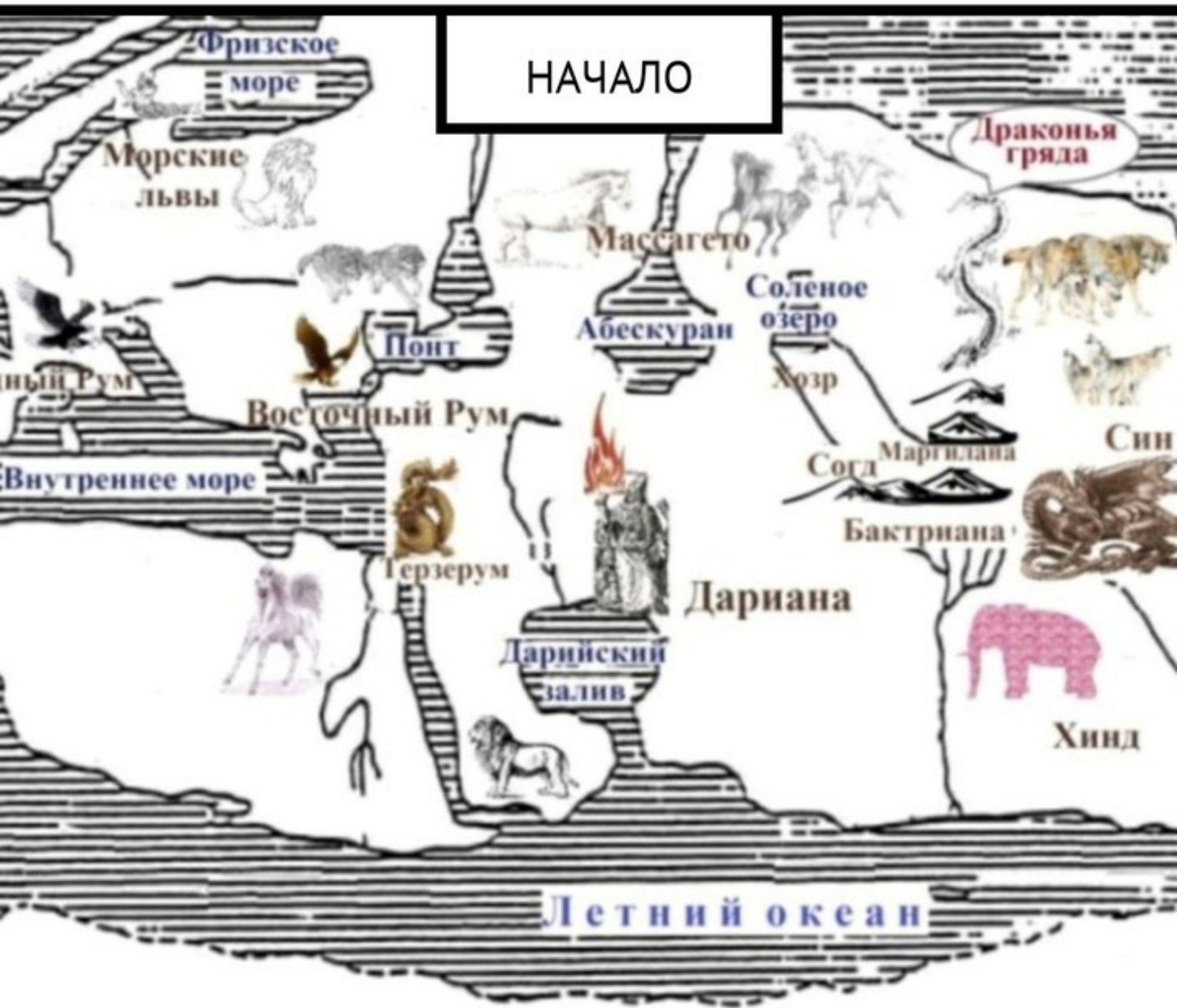

АЗАД ГАСАНОВ

БИТВЫ ЗВЕРЕЙ

Неведомая суша

Азад Гасанов

Битвы зверей. Начало

«Издательские решения»

Гасанов А.

Битвы зверей. Начало / А. Гасанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902404-6

Миром правят люди. Но они, как и прежде, живут в единении с природой и хранят память о временах, когда все живое жило по одним законам, и многие народы ведут свое начало от четвероногих или крылатых предков. Мир еще неизведан. На его карте много белых пятен. Восток и Запад живут отдельно, не ведая о существовании друг друга. Но всколыхнулась чаша жизни, и началось небывалое. Люди с востока двинулись на запад с оружием в руках, а с запада на восток потекли идеи и верования. И мир переменился.

ISBN 978-5-44-902404-6

© Гасанов А.

© Издательские решения

Содержание

Гэсер Татори. История от начала времен	6
Коро Чубин	8
глава II	16
глава III	26
глава IV	34
глава V	41
глава VI	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Битвы зверей Начало

Азад Гасанов

© Азад Гасанов, 2018

ISBN 978-5-4490-2404-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муравей не может целиком узреть слона – тот слишком велик, чтобы встать в его глаза. Слон видит целый муравейник, но не замечает малого. А видит ли Бог каждого из нас в отдельности, если мы его целиком узреть не в силах?

Абу Бекир Тайабади.

Гэсер Татори. История от начала времен

Мы будем говорить только о том, что знаем.

Нам известно, что у истоков истории стояли драконы. Все, что было прежде, покрыто мраком давности. А посему за *начало времен* разумно будет принять *пришествие драконов*.

Одни полагают, что эти крылатые ящеры явились к нам изгнанниками из рая, другие утверждают – они посланцы иных миров. Однако доподлинно известно только одно: когда драконы спустились на Землю, она была настолько мала, что вмещалась в пределы долины, именуемой ныне Обетованной. В ней имелся сад, устроенный на подобии райского, и в нем кормились звери: волки, лошади, львы, орлы и люди. С трех сторон ту долину окаймляли горы, и с одной – омывало море. И куда ни глянь за ее пределы, всюду царили мрак, стужа и белое безмолвие зимы.

Когда началась битва между драконами и обитателями сада, суша и море отогрелись драконьим огнем, снега и льды растаяли, и зима отступила вспять, откатываясь к окраинам Вселенной. Туда же по следу наступающего лета устремились люди. Ведь они были самыми слабыми и потому первыми оставили поле битвы.

Вторыми то же самое проделали орлы. Только морская гладь освободилась от ледяных оков и заплескалась волнами, они встали на крыло и перелетели с восточного на западный берег моря. Заодно с ними, в орлиных когтях улетела Старая Волчица.

Третьими пустились в бегство лошади. Они ускакали на северо-восток, где после зимней спячки образовались пастбища.

Львы, покинув Землю, частью направились на юг, и заселили пустынную равнину, а частью – на север и обустроились на берегах северного моря.

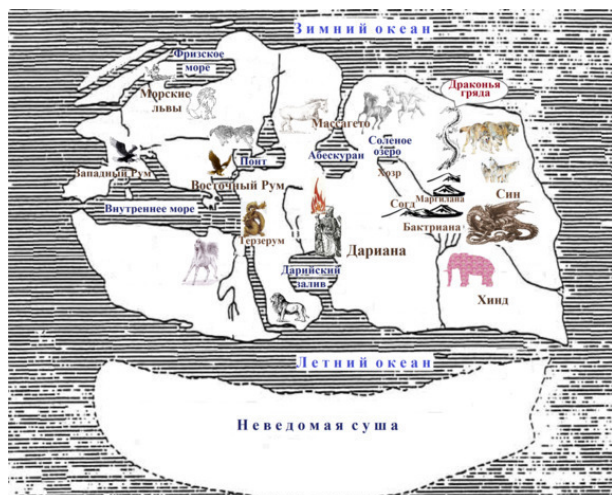
Волчья стая оставила поле битвы последней, прежде измотав одного драконов (а число их было три). Истратив весь свой пыл, тот дракон рухнул наземь и остался умирать, когда двое других пустились в погоню за волками.

Волки уносили ноги на восток. В бегстве они уморили оставшихся драконов. Первый из них помер севернее Небесных гор, а второй – в смычке Небесных и Крыши Мира. Останками первого образовалась Драконья гряда, а останками второго – Драконьи горы.

Так закончилась первая звериная битва, и так Земля распростерлась по всей суше. В тех местах, где обосновались бывшие обитатели сада, возникли со временем государства. На северо-западном берегу Внутреннего моря образовался Рум, на северо-восточном – его придаток Восточная Румийская империя. На берегах северного моря установилось королев-

ство Северных Львов, которые сами себя называли «морскими». На южной равнине не возникло никакой державы, но там вольными прайдами стали хозяйничать потомки первых львов. Восточнее изначальной Земли укрепилась Дариана, и ей подчинялись четыре других государства: Согд, Бактриана, Хозр и Маргилана. Южнее последних, за неприступными кряжами Крыши Мира руками отважных первопроходцев был воздвигнут Хинд. В степях севернее Абескурана и на берегах Соленного озера образовалась конфедерация кочевых племен Масагето, что в переводе с языка кочевников означает «от семени коня». На восток от них укрепились сарматы (те же лошадиники), а еще восточнее, за Драконьей грядой – северные волки. К югу от них правили волки Малой стаи. Последним удалось подчинить своей власти племена фаунов, что в переводе означает «потомки дракона», и создать свою державу – Син. А на месте изначальной Земли возникло маленькое княжество Терзерум – «Земля обета». Просуществовав недолго, оно досталось сначала Западному Руму, позже – Дариане, а в конце – Восточным руминам.

Велик, прекрасен и красочен был древний мир, но дням его подходил конец. В «Книге Времен» Дана Звулуна – единственного, кто обошел весь мир, кто отыскал точки трех проекций Небесного креста и кто, расположив в тех точках вершины сакрального треугольника, свел воедино прошлое, настоящее и будущее и тем самым обрел дар предвидения, – в книге этого великого человека сказано, что за первым пришествием драконов грянет второе, и когда это случится – мир рухнет. Надо понимать, что великий Дан Звулун вел речь не о кончине мира, а только о конце древней истории. В трех сторонах света родятся три дракона, – предрек Дан Звулун, – и устремятся эти крылатые чудовища навстречу друг другу, сметая все на своем пути. И сойдутся они, как написано в «Книге Времен», там, где началась первая Звериная битва.

Коро Чубин

Когда лошади, оставив изначальную Землю, ушли за Понтийское море, заняли западную половину Великой степи и разжились там, на тучных пастбищах, случилось так, что часть их перемешалась с поселившимися в тех местах людьми. От этого смешения возникло племя «дари». Это было воинственное племя и никак не могло ужиться с соседями. Разделившись надвое, народ дари оставил Великую степь и берегами Абескурана ушел на юг. Те, что спускались западным берегом, заселили южное плоскогорье и назвали новую родину Дарианой. А те, что прошли восточным берегом – заняли предгорья Небесных гор и Крыши Мира. Там они основали четыре государства: в оазисах – Согд, в горах — Бактриану, на южном берегу Соленого озера — Хорзу, а в узкой долине между Небесными и Крышей Мира – Маргилану. Земли те были плодородны, солнце над ними – жарким, а потомство кобылиц отличало трудолюбие и выносливость, так что те страны вскоре стали процветать и разрастаться.

Гэсер Татори. Истрия от начала времен.

В столице он занимал самую завидную должность. Даже для отпрысков Пяти семейств место командующего дворцовой стражей – предел мечтаний. А дитю греха, коим, по сути, являлся Коро Чубин, оно должно было представляться даром Всевышнего и милостью судьбы.

Мать его была самой благородной крови – она приходилась племянницей прежнему царю и двоюродной теткой нынешнему. А вот с отцом Коро Чубину не повезло. Его отец был табунщиком, вождем одного из кочевых племен. Это племя проиграло битву в извечной степной войне, народ погиб, а вождь с остатками войска бежал в Дариану и попросился под защиту царя царей.

Закон предписывает вельможным дари вступать в брак только с себе подобными, а юношам и девицам царского рода – исключительно с ближайшими родственниками. И лучше всего по закону дари, когда в царственном браке мужем и женой становятся брат и сестра.

У матери Коро Чубина было трое родных братьев, двенадцать двоюродных, еще больше троюродных, было несколько свободных от обязательств дядьев, и один овдовевший дед, все еще в силе. Одним словом, выбор у девицы был богатый. Но она всем принцам крови, мужам, осененным божественным благоволением, предпочла дикаря массагета. Чем мог пленить ее невежественный табунщик, непонятно. Единственно, что было замечательно в дикаре, так это наглость и огонь в глазах. Вот царевна и запалилась его огнем и, презрев закон, впала в грех, самый страшный из тех, в который может впасть дочь дари.

Одним словом, кем бы ни бала мать Коро Чубина, и из какого бы благородно чрева – он ни вышел, а, как ни крути, явился Коро Чубин в этот мир ублюдком. И пропал бы он зазря, не успев получить имени, и оборвалась бы его жизнь в тот же день, как он родился, и бросили бы его на растерзание храмовым псам, почитаемым за чистильщиков, если бы в те дни отец нынешнего государя, царь Хосрой II не испытывал крайнюю нужду в лучной коннице, которую привел с собой с берегов Соленого озера вождь массагетов. Младенца оставили во дворце залогом верности табунщика, самого табунщика отправили на войну, а царевну, которую он обесчестил, передали на поруки магам.

До трех лет Коро Чубин рос в гареме, среди евнухов, стариков и женщин. У последних он научился всяческим уловкам и особенно умению лить слезы в три ручья. Эту способность по достоинству оценили наставники царевича Ануширвана и приставили к своему воспитаннику в качестве бачи¹. Вот тут слезы Коро Чубина воистину полились рекой. Проказничал

---

¹ Бачи – мальчик для битья.

царевич, а наказывали бачи – охаживали плетьюми на глазах у наследника. При этом бачи полагось кричать как можно громче да жалобней.

Надо сказать, что царевич Ануширван рос добрым и справедливым мальчиком. Ему было больно видеть, как из-за него страдает Коро Чубин. Чтобы успокоить свое жалостливое сердце и с тем, чтобы загладить вину, он после экзекуций забирал бачи к себе. Пока лекари врачевали спину Коро Чубина, царевич угощал его сладостями и фруктами. И еще надобно знать, что царевич Ануширван был большой проказник, и по этой причине бачи сделался частым его гостем. А вскоре мальчики и вовсе стали неразлучны.

Во второй раз жизнь Коро Чубина должна была оборваться после проигранной битвы под Авником. В ней армия руминов, предводительствуемая имеретинцем Ираклием, наголову разбила дарийское войско, командовал которым брат царя Хосроя II – сардар Дариуш. Чтобы обеспечить отступление и спасти остатки войска, Дариуш выделил сильный арьергард и поставил над ним табунщика. Последний справился с задачей – дарийское войско благополучно отступило. Но арьергард погиб, а табунщик сгинул. А вместе с ним отпала и потребность в заложнике. Однако Коро Чубину опять повезло. Его взял под свою защиту царевич Ануширван, назначив своим ристальщиком.

Новая должность мало отличалась от первой – Коро Чубина, как и прежде, держали для битья. Только теперь местом избиения сделалось ристалище, и плеть сменилась оружием, а удары стали наноситься рукой самого наследника. Во время учебных схваток, на которых царевич оттачивал боевое искусство, ристальщик имел право отбиваться, но сам атаковать не смел. Наследник совершенствовался в умении разить, а Коро Чубин учился уворачиваться. Первый в своем деле достиг не многого, а второй воистину преуспел. Случались дни, когда ни один удар царевича не достигал цели.

В третий раз Коро Чубин сменил должность, когда царь Хосрой II отошел в мир иной, и на троне его сменил наследник. Приняв бразды правления, Ануширван больше всего озаботился тем, кому доверить свою безопасность и не нашел претендента лучшего, чем Кора Чубин. Царь Ануширван назначил ристальщика командующим дворцовой стражей.

Тогда многие вознегодовали, и первым сардар Дариуш. Он напомнил племяннику, что не было никогда такого, чтобы человек низкого происхождения занимал столь ответственную должность, и что негоже попираť законы, освященные веками.

Разговор дяди и племянника произошел после прощания с усопшим. Придворная челядь, главы и старшие сыновья Пяти семейств, военачальники и советники дивана, все, кто был допущен на похоронную церемонию, возвращались в город. Скорбная процессия, растянувшись почти на четверть фарсанга. Люди вереницей пускалась по пологому склону горы, на вершине которой на высоком деревянном помосте было оставлено тело покойника в белых одеждах. Впереди шли дядя и племянник. Первый – дородный, в зрелых годах мужчина, с могучими плечами и широкой грудью. Он шел размашистым шагом, чуть в развалку, немного косолапя, что выдавало в нем старого кавалериста. Второй – юноша, хоть и широкий в кости, но какой-то весь нескладный, долговязый, сутулый. Он спускался по тропе бочком, как это делают женщины и дети, когда боятся оступиться и скатиться под гору кубарем. Юноша шел, задрав до щиколоток полы халата, и озабоченно глядел под ноги.

– Ты теперь самодержец, и ни у кого из людей нет власти над тобой. Ты волен поступать так, как считаешь нужным. Но даже самодержец должен в своих решениях придерживаться божьего закона и следовать обычаям, которые достались нам от предков, – внушал сардар Дариуш своему племяннику. – Я твой дядя, и по смерти твоего отца я остался старшим в семействе. Мой долг указывать тебе на промахи и ошибки, когда ты их совершаешь. То, что ты, не посоветовавшись со старшими, назначил безродного выскочку командующим дворцовой стражей – это серьезная ошибка. И ее следует немедленно исправить. Ты понимаешь это?

Племянник качнул головой.

– Да, дядя. Я прекрасно понимаю, что расстроил вас. Но дело в том...

– Что?

Юный царь Ануширван, как ни старался, все же зацепил загнутым носком замшевого сапога полу парчового халата. Он спотыкнулся и непременно плюхнулся бы в пыль, если бы сардар Дариуш не поддержал его.

– Простите, дядя, – проговорил Ануширван, заметно смутившись. – Не знаю, как исправить положение, но мне от всей души хочется загладить свою вину.

– Загладить вину? – сардар Дариуш, не скрывая презрения, глядел на племянника. – И как же это?

– Я вступил в возраст мужей, – промямлил Ануширван. Он чувствовал на себе тяжелый взгляд дяди и не смел поднять глаз. Он продолжал смотреть под ноги, а точнее на ноги, на то, как дорожная пыль рыжим тальком ложится на сапоги и забивается в мельчайший ворс телячьей замши. Пыль ложилась и на полы нарядного халата, и ему неожиданно пришла мысль, что большинство обычаев глупы, в частности обычай совершать похоронный обряд, стоя на ногах, тогда как удобней было бы провести всю эту церемонию, сидя в седле, а лучше в паланкине. – Мне подошел срок озаботиться продолжением рода... и подыскать себе невесту...

Бабы повадки племянника, его привычка жевать слова, недоговаривать фразу, замолкать, не закончив мысли, всегда раздражали сардара Дариуша. В таких случаях ему хотелось отвесить недотепе добротный отеческий подзатыльник. Но упоминание о царской невесте пришлось сардару Дариушу по вкусу. Он сменил гнев на милость и проговорил снисходительным тоном.

– Это ты верно рассуждаешь. Выбор невесты – весьма серьезная задача, – сардар Дариуш смачно крикнул для убедительности. – В этом деле ошибок быть не может. Тем более, когда речь идет о выборе царской невесте.

Ануширван вздохнул и, наконец, нерешительно поднял взор на дядю.

– Я рад, что вы разделяете... э-э-э, мою озабоченность...

Сардару Дариушу опять захотелось наградить занудливого парня увесистой затрещиной.

– Мне думается, что самую наилучшую партию мне сможет составить одна из ваших дочерей... Все ваши дочери хороши собой... все они обладают приятной наружностью... э-э-э, прекрасно воспитаны, умны и... образованны... Вы как отец знаете о них больше, чем кто-либо другой... и по этой причине... лучше меня сумеете определить... какая из ваших дочек больше подходит на роль царской невесты... Одним словом, в этом, как вы выразились, весьма ответственном деле, я полностью полагаюсь на вас. Сделайте выбор за меня.

Последние две фразы Ануширван выпалил на одном дыхании, словно и сам притомился от собственного занудства. Сардар Дариуш благодушной улыбкой выразил удовольствие. Он остановился и пророкотал густым баритоном:

– Это великая честь. Царь царей милостив и великодушен. Длань его милости, что рука пророка... – сардар Дариуш склонился в низком поклоне.

Ануширван вынужден был остановиться вслед за дядей. По глупому обычаю ему полагалось закончить начатую фразу обещанием «... во век не оскудеет». Он лениво вздохнул и подумал, глядя сверху вниз на могучую спину дяди и его лысеющий затылок: «Как глупо и подло устроен мир». Он почувствовал. Как за его спиной остановилась и вся процессия. Тонкой змейкой она хвостом забирала в гору, на вершине которой на деревянном помосте было оставлено тело его отца в белых одеждах.

– Во век не оскудеет, – выдавил из себя положенное царь Ануширван.

Прежде чем процессия тронулась в дальнейший путь, юный царь бросил прощальный взгляд на гору. В небе над вершиной уже появились грифы. Кружась, они снижали высоту, все ближе и ближе подбираясь к помосту. Сегодня их ожидает царский пир.

Во дворце, оставшись наедине со своим фаворитом, царь царей пожаловался:

– Мир устроен подло. Подло и глупо... Люди измельчали... Хотя, скорее всего, они изначально были такими. Мне думается, что благородство, честность и все прочее в подобном духе не более чем достояние легенд и мифов... Благородство и честность были выдуманы поэтами, чтобы приукрасить мир. Согласись, друг мой, возвышенные порывы гораздо чаще встречаются в книгах, нежели в жизни.

Коро Чубин не имел вкуса к беседам на отвлеченные темы. Не желая спорить со своим господином, он лениво пожал плечами.

– Взять хотя бы витязя Рустама, чьи подвиги так красочно описаны поэтом Фердаусом. Что больше всего отличало легендарного витязя?

– Сила и благородство, – со вздохом ответил Коро Чубин.

– Верно, – согласился Ануширван. – Но я бы в первую очередь выделил два других качества: бескорыстность и верность долгу. Как ты справедливо заметил, витязь Рустам от рождения был наделен невероятной силой. Он мог один выйти против целой армии. И царь древней дарийской земли был бессилен перед ним! Понимаешь ты это?

Коро Чубин качнул головой.

– Витязь Рустам имел полную возможность свергнуть царя и возложить на свою голову его корону. А вместо этого он взялся защитить престол, когда полчища врагов осадили столицу державы. И в уплату за свою неоценимую услугу он попросил только табун лошадей и стадо баранов на прокорм. А после того, как на земле появился пророк, витязь Рустам оставил и табун свой, и стадо и пошел за посланцем Господа, чтобы оберегать его и помогать нести свет истины. Где нынче можно увидеть подобное благородство и бескорыстность?

Коро Чубин опять пожал плечами.

– Нынешние витязи другого сорта. Если они и служат государю, то больше из корысти. Причем служат из рук вон плохо, – Ануширван насупился. – И за примерами далеко ходить не надо. Взять хотя бы моего любимого дядюшку. Он больше других возмущался по поводу твоего назначения. А почему? Ну, во-первых, из глупой спеси. А во-вторых, он надеялся посадить на место начальника стражи своего бестолкового сына. А зачем мне еще один неумеха, подобный своему отцу? Витязь Рустам за два года расправился с полчищами магоджей и гамоджей, а мой дядя уже столько лет не может разделаться с Румом, который, если разобраться стоит на глиняных ногах.

Коро Чубин уже привык к полуночным жалобам своего хозяина, но все же решил, что пришло время проявить участие.

– Отправьте меня на войну, – попросился он. – Я буду биться в вашу славу подобно бесстрашному Рустаму.

Ануширван отмахнулся.

– К чему это? Ты погибнешь... как и твой отец. И с кем я тогда останусь?.. Да, и не хочу я войны. Я бы предпочел решать все споры миром... Но это, к сожалению, невозможно. Следует признать, что мир и согласие это тот заманчивый плод, который, как ни тянись, не сорвать. Народы и страны воюют испокон веков, с тех пор, как драконы отогрели землю, и жар их опалил души первых людей и зверей.

– Драконы были ниспосланы Всевышним, – напомнил Коро Чубин известную истину. – Их огонь это *агни* – сосредоточение божественной сути. Разве можем мы желать мира, когда Всевышний ведет свою тысячелетнюю войну?

– Так то Всевышний, – недовольно возразил Ануширван. – Он может биться тысячу раз по тысячу лет, а нам длительные войны не по силам. Я не имею ничего против скоротечных войн, но наша война с Румом длится уже сотню лет. Поверь мне, такое не может кончиться ничем хорошим. Однажды эта бестолковая война разрушит нашу державу. Возможно, это слу-

чится при мне, а может быть позже... я не знаю. Но я знаю наверняка, что мы на пороге бедствий.

Коро Чубин поморщился, словно услышал непростительную глупость.

– Откуда вы это можете знать, если только-только воссели на трон? Поцарствуйте немного, – посоветовал он, – глядишь, и жизнь покажется не такой уж мрачной.

– Эх, друг мой, – вздохнул Ануширван. – Я царь от рождения. Я сын царя, и внук царя. Я видел, как правят мои предки. Они только тем и занимались, что пытались привести своих подданных и слуг к единству. Мой дед пытался достигнуть цели жесткой рукой, а мой отец – прибегнув к вере. Но чего они добились? При деде страна изнывала от мятежей. Не успевал он подавить одно восстание, как тут же в другом месте разгоралось новое. Отец же окружил себя жрецами, и те с неистовством принялись учить народ праведной жизни, а грешников бросать на растерзание голодным храмовым псам. И что же больше стало праведников? Нет. В наследство от отца мне достались самые подлые подданные, не обладающие и толикой добродетелей, к коим призывает вера.

– Так-таки и нет ни у кого? – усомнился Коро Чубин. – Не бывает так, чтобы все обстояло плохо. Среди множества дурных людей всегда найдется горстка честных. И в череде бед и огорчений всегда промелькнет хоть маленькая радость. Вы преувеличиваете, господин.

– Безусловно, – согласился Ануширван, – я преувеличиваю, и делаю это лишь для того, чтобы отчетливо показать всю порочность мира. Люди за исключением той малости, на которую ты указал, лживы и вероломны. Но самый их большой порок в корысти. Именно она разобщает людей и разрушает целостность народов. Мой дед бился, чтобы согнать своих подданных в единую стаю. Отец пытался сплотить людей с помощью единой веры. Для чего? Чтобы заручиться силой. Потому что только сплоченность делает державу сильной! Но, к сожалению, ни дед, ни отец не преуспели в затеянном деле. Они оставили решать неразрешенную задачу мне. Так к какой силе должен я прибегнуть, какой чудодейственной молитвой заручиться, чтобы преуспеть? Я не знаю.

В утешение господину Коро Чубин сказал:

– У вас есть мудрые советники, они подскажут.

– О да, они подскажут. Только каждый будет советовать свое. И к чьему голосу мне прислушаться?

Коро Чубин в который раз пожал плечами.

– В старинных книгах, – продолжил разглагольствовать Ануширван, – пишут, что в давние времена, когда создавалась держава, народ дари был малочислен – одно племя, а лучше сказать, одна семья. Но придя с севера на эти земли, дари покорили здешние народы. Удалось им это только в силу сплоченности. Народы, покоренные первыми дари, были разобщены, как мы теперь, а мои предки держались друг за друга, как братья. Таковыми они и были.

– И у вас есть братья, – напомнил Коро Чубин.

– Мои братья хуже врагов. И у меня их слишком много. Сплоченным может быть только небольшое братство. А там, где народу много, там царят разногласие и раздор. Обрати внимание, у руминов прежде было примерно то же. Когда их старая империя рушилась, нашелся у них человек, вокруг которого сплотилось двенадцать братьев. Этот человек проповедовал странные на первый взгляд вещи. Он уверял, что гибнущий мир спасет любовь. Над ним смеялись, и мало кто его слушал. Но те, кто пошел за ним, воспламенились его речами, и любовь утвердилась между ними, как и должно быть между истинными братьями. Те, первые, были сильны своим единодушием, и любовь делала их честнее, отважнее и преданнее. Если кто из них был купец, то на него можно было твердо положиться. Если – землепашец, то закрома у него ломились. А если он брал в руки оружие, то надежней и преданней воина трудно было сыскать. Так что нет ничего удивительного в том, что в скором времени царь приблизил к себе этих братьев, а потом и весь народ заставил жить по их законам и научиться их молитвам.

Но следует знать, что молитва, слетевшая с множества уст, теряет силу, а один для всех закон – обман. Посмотри, сейчас весь Рум чтит того человека, как своего пророка и следует его заветам. Но много ли ты видел честных купцов среди руминов? И много ли ты знаешь среди них вольных хлеборобов?

– На их нивах трудятся рабы.

– Верно! А кто сражается в войске Рума? Наемники и инородцы с их окраин. И как сражаются?

– Не хуже нашего.

– Опять же верно! Что мы, что румины сражаемся из рук вон плохо.

– Думаю, что многие готовы поспорить с вами.

– Уже сотню лет длится война между Румом и Дарианой. Сотню лет! – Ануширван посмотрел на Коро Чубина своими горячими слезливыми глазами. – Что это за война такая, которой века мало? Что это за война, в которой никто не может добиться превосходства?

Коро Чубин развел руками.

– Такое случается. Когда силы равны, победе сложно определиться с выбором.

– Равенства в силе не бывает! – прокричал Ануширван и сам удивился своей горячностью. – Признаю, – продолжил он, понизив голос, – по молодости лет я мало что смыслю в войнах. Но что такое война, если разобраться? По сути это большая драка. Так?

Коро Чубин качнул головой.

– А в драке, как всем известно, не бывает ничьи. А когда такое все же случается, это означает лишь то, что дрались понарошку. В настоящей же драке всегда кто-то берет верх над противником! Победе сложно сделать выбор, – заключил Ануширван, – когда нет ее достойных. И знай, что, когда в драке двое дерущихся проявляют слабость, всегда отыщется третий, кто покажет силу.

– А ком вы? – выразил удивление Коро Чубин. – О Массагето?

Ануширван опять поморщился, будто в рот залетела муха.

– Это верно, степных воинов всегда отличала удаля. Но они разобщены. Они разобщены, еще больше, чем ваши подданные. Каждый из них бьется сам за себя. Не думаю, что массагеты способны явить силу.

– Не способны.

– Тогда кто же?

– Не знаю, – буркнул Ануширван. – Но кто-то, будь уверен, явит.

Коро Чубин задумался.

– Рум и Дариана величайшие державы мира. В их армиях собран весь цвет воинства, а в сокровищницах – богатства всей вселенной. Пусть обе державы не столь могущественны, как прежде, но и теперь никто не может сравниться с ними. Посудите сами, – мысль Коро Чубина, похоже, встала на крыло, – на севере обитают варвары, еще более дикие, чем массагеты. На берегу Внутреннего моря – книжники-омеретяне. Эти никогда не умели драться. На юге – погонщики верблюдов и скитальцы пустыни. У этих нет вождя и даже достойного имени. На востоке – согдаки и бактрийцы, но те наши союзники и к тому же сплошь купцы и земледельцы, для которых война худшая из бед. Правда еще дальше на востоке стоит Син, и, говорят, будто эта империя весьма богата. Но она расположилась на краю земли, за Небесными горами и за непроходимой пустыней. Перевалить через Небесные и пересечь пустыню можно только на спине дракона, это всем известно. Но драконов не осталось. Так что, мне думается, нет у воителей Сина возможности явиться к нам и показать свою силу. И еще я думаю, что нет и империи такой, а рассказы о драконьем народе, живущем на краю земли – вранье. Я так полагаю, что за Небесными горами и за Драконьей грядой обрывается суша, а за краем ее – бездна. Во всяком случае, с начала времен никто оттуда не являлся. Так о какой третьей силе вы говорите?

Ануширван не ответил. Ему, похоже, наскучила беседа.

– На Крышу Мира, прячась от властей, поднимаются лихие люди. Бактрийцы жалуются на них. Я слышал, они сбиваются в шайки, и некоторые из них велики числом. Говорят, этими шайками верховодят люди необычной наружности. Белобрысые и голубоглазые. Говорят, у них нет и кровинки в лице. В Аведе написано, что нелюди подобного вида должны спуститься с заснеженных вершин, когда Долгая зима во второй раз нагрянет на землю.

Ануширван нетерпеливо перебил Коро Чубина:

– Друг мой, довольно. Не желаю слушать глупости подобного рода.

– Я всего лишь пытаюсь определить третью силу, о которой вы говорили, – заявил в свое оправдание Коро Чубин.

– И я пытался, да не смог. Не думаю, что тебе это удастся. Но можешь поверить мне на слово, мы обречены, и наша держава на пороге бедствий. И дело вовсе не в белобрысых людях, кем бы они ни были. И неважно бескровны они или нет! Скажи, где ты видел таких людей? Такая масть и у лошадей на редкость. А чтобы и глаза при этом были голубого цвета, это уж точно невидаль.

– Так сказано же, что *нелюди*, а не люди. И знайте, господин, что во всех донесениях, что приходят из Бактрианы и предгорий Согда, говорится одно и то же: в горах поселились белобрысые.

– О вещах подобного сорта начинают говорить всегда, когда предчувствуют близость бедствий. Это старая привычка – малевать беду с нечеловеческим обликом, будто люди сами себе навредить не могут. И разговоры о твоих белых пришельцах лишний раз подтверждают мои слова. Мы слишком долго благоденствовали. Привыкли к роскоши, привыкли к славе и позабыли о том, что ради первого и второго надобно трудиться. Так всегда бывает, – Ануширван замолчал, решая, стоит ли говорить дальше. А потом махнул рукой и выпалил. – Отцы добывают земли, отцы воздвигают стены, наполняют житницы хлебами. А дети их пользуются готовым. И если отцы потрудились на славу, то добра хватает и внукам. Наши предки были трудолюбивы, они воздвигли великую державу. Многие поколения их потомков пользовались плодами их трудов. Но как показывает опыт, дети таких отцов, выросшие в роскоши и неге, не проявляют способность и желание трудиться. Они не выносят усилий, а вкус пота и крови вызывает у них изжогу. Мы сто лет бьемся с Румом и не можем побить врага, потому что бьемся без усилий. Но когда против нас станет сильный враг, верь мне, мы будем обречены на гибель. И Румийская империя тоже!

– На гибель? – Коро Чубина скривил лицо. – Против гибели руминов не возражаю. Но вашу державу защитит заступничество небесного владыки и сила, заключенная в ваших добродетелях.

– В каких?

– В вашей благонравии, в вашем благородстве, отваге и мудрости. Вы убережете Дариану! Ануширван восхитился словами Коро Чубина.

– Отвага? Мудрость?! – воскликнул он. – О да, этого у меня не отнять! Но что толку в добродетелях, если я ничего не знаю?

– Чего вы не знаете?

– Об этом я твержу тебе весь вечер! Я воссел на трон и не знаю, как мне быть. Я не знаю, каким надо быть царем, чтобы сохранить державу. Я не знаю, что мне делать!

– Как, что делать? – изумился Коро Чубин. – Править. Для начала можно изгнать пришельцев с Крыши Мира.

Ануширван горько усмехнулся.

– И то верно. Что может быть проще? Однако в моем положении, лучше всего – ничего не делать. Когда не знаешь, что предпринять, разумно не предпринимать ничего и отстраниться от дел. Вот я и отстраняюсь. Во всяком случае, на время.

Слова царя произвели на Коро Чубина самое тягостное впечатление. Заканчивая разговор, он все-таки заметил:

– Осведомители и пограничники с восточных рубежей доносят, что белобрысые пришельцы говорят на неведомом языке и называют себя *серами*.

– Ну и что?

– «Сер» по-ихнему означает «человек». Они называют себя людьми.

Ануширван усмехнулся.

– А как им себя называть? Обезьянами?

– В их глазах лишь они люди. А остальные – нет.

глава II

Марк

Та старая волчица, что перелетела через море в орлиных когтях, была немощна и мучилась лишаями. Ее худая шкура, выдержав почти весь полет, под конец все-таки порвалась. Больная волчица рухнула на землю и при этом здорово ушиблась. Она утратила подвижность членов и не смогла защитить себя, когда на нее набросился человек – один из тех, кто раньше других обосновался на тамошнем побережье. Он брал волчицу много раз, и та, в конце концов, зачала. И через положенный срок понесла. Волчица, хоть и хворая, а потомство дала здоровое. Ее детеныши выросли крепкими и свирепыми по-волчьи. Войдя в возраст, они захватили весь тот берег моря и основали свою державу. Так появились румины.

Гэсер Татори. История от начала времен.

Свет брызнул в глаза. В голове сверкнула молния, и жгучей болью пронзило тело.

«Чертово кафское, – простонал Марк, сомкнув веки. – Утром всегда о себе напомнит».

Он полежал некоторое время с закрытыми глазами, дожидаясь, когда боль отпустит, и дурнота отступит. Со второй попытки он сумел разглядеть потолок. Потолок качался, и по нему зыбко пробегала рябь. И еще Марк заметил, что на лепнине за ночь появились пятна и подтеки. «Это мы так постарались? – заподозрил Марк, но тут же отверг собственную мысль. – Нет, это в глазах рябит. А рябит, потому что мы опять надрались... О, боги».

В утробе тревожно заурчало. В глотке мерзко защекотало. И в нос ударили запахи давешнего пиршества.

«О, герои...»

Кто-то за его спиной засопел и потным боком потерся об него. Липкое прикосновение чужого тела вызвало озноб, а зловоние чужого дыхания в конец возмутило утробу.

«Надо вставать, – сообразил Марк, – немедленно».

Но только он пошевелился, как содержимое желудка, точно лава в жерле вулкана, жгучей волной подступила к горлу. Марк выbleвал на спящую рядом шлюху.

С минуту он оставался недвижим из страха, что может попросится низом. И страх оказался не напрасным. Марк смотрел на сонную шлюху, на то, как она ладонью размазывает по щеке его блевотину, когда урчание в брюхе переросло в грозные грозовые раскаты. Обхватив живот двумя руками, он вскочил на ноги и мелкой торопливой трусцой припустил к выходу из розария.

В саду заштормило всерьез. Деревья, кусты, гипсовые фигуры, купола беседок, все, утратив неизбежность, заходило ходуном. Сама земля начала уплывать из-под ног. Только чудом ему удалось донести до нужного места.

Сидя на корточках над дыркой в полу и придерживая рукой дощатую дверь, он уныло глядел в щель между плохо подогнанными досками и с тоской думал: «Все это повторялось сотню раз. Ночью веселье, а по утру похмелье. Ночью заливаешься по горло, а утром все отдаешь обратно. А ведь это глупо. И что за образину я пригрел под боком? Я пал так низко?»

Он просидел в нужнике достаточно долго, чтобы успеть пожурить себя за все свои грехи. Но когда удалось освободить утробу, то легчало и на душе. Марк вышел из уборной с полной решимостью покончить с праздной жизнью и с разбега голышом нырнул в бассейн.

Прохлада бассейна и свежесть утра подействовали на него самым благотворным образом. Покачиваясь на волнах, он спиной лежал на воде и умиленно глядел на небо. «Вот свод, под которым должен спать мужчина, чтобы пробудившись вершить великие дела. Небо такое

чистое и прозрачное, как помыслы младенца. И никаких тебе пятен и подтеков». Марк испытал злость и раздражение от мысли, что надо вернуться под загаженный свод розария.

В розарий Марк возвратился настроенный весьма воинственно. Первым делом он наградил увесистым пинком своего компаньона Кая Друза Хорея, который, развалившись на голом полу, спал в обнимку с дебелой шлюхой и сладко сопел в ее тяжелые груди.

– Подъем, озорник! – прокричал он так громко, как горнист трубит побудку в казарме.

Вторым делом он отыскал в ворохе сваленной в кучу одежды свою тунику и натянул на еще мокрое после бассейна тело.

– Вставай, Купидон!

Марк пнул компаньона во второй раз, но уже сильнее, и в ответ услышал жалобный стон.

– Где мой меч? – прокричал Марк, разбросав всю грудку перепутанной одежды. – И где мои сандалии? – он лягнул товарища в третий раз.

– Отстань, – страдальческим голосом отозвался Кай. – Мне нет никого дела до твоих сандалий. Ищи их сам.

Марк закружил по комнате. После продолжительных поисков меч нашелся в судне.

– Сто чертей! – взревел Марк. – Кто его сюда засунул?

Марк со всей силой пнул по судну, и оно, перелетев через весь розарий, свалилось рядом со спящей парочкой. Судно опрокинулось кверху дном и содержимым загадило усыпанный розовыми лепестками пол². Несколько капель угодило и в лицо дебелой шлюхи, и та проснулась. А меч, вывалившись из судна, с лязгом подкатился к ней.

– Отмой! – приказал Марк.

Дебелая, нехотя, поднялась, подобрала с пола испачканный меч и, вихляя задом, побрела к двери. Глядя на то, как лениво перекатываются ее толстые окорока, Марк не смог удержать желания пустить ей вдогонку кубок. Тот угодил девице в спину. Девица взвизгнула от боли, подпрыгнула и во всю прыть помчалась прочь.

Меткий бросок и вид убегающей толстухи доставили Марку некоторое удовольствие, и он обратился к компаньону уже не столь воинственно:

– Вставай, Кай, – после чего принялся за поиски сандалий.

После некоторого времени правый нашелся на скатерти, в луже пролитого вина, а левый почему-то под головой у Кая.

– Уже полдень, – напомнил Марк, выдирая свою сандалию. – Надо выбираться из этой помойки.

– По мне хоть нужник, – промямлил Кай и перевернулся с бока на бок. – Я не встану. Лучше убей меня.

Марк, обувшись, склонился над товарищем и сгреб его в охапку.

– Отстань, – простонал Кай.

Не обращая внимания на вялые протесты компаньона, Марк взвалил его на спину и вынес из розария в сад.

– Куда ты меня несешь? Что тебе от меня надо?

Марк, оставив вопросы компаньона без ответа, донес его до края бассейна и сбросил компаньона в воду.

– Это невообразимо! Это просто дикость! – негодовал Кай, сидя на войлоке в бедуинской корчме, куда товарищи попали после публичного дома. – Ты мог запросто утопить меня, ты это понимаешь?

В корчме было жарко и дымно. Марк жадно хлебал верблюжью похлебку, а Кай дожидался, когда ему принесут пальмовую араку.

---

² Пол в помещениях, где проводились оргии, усыпался лепестками роз, из-за чего эти помещения назывались розариями.

– Это все от невежества. У тебя нет ни малейшего представления об анатомии и устройстве человека... Ты что ухмыляешься?

Марк не ответил, только шумно потянул из глиняной миски.

– Ты всегда пропускал уроки и никогда не проявлял усердия в учебе. А если был хоть чуточку усердней, то знал бы, что во сне человек живет лишь наполовину, он все равно что наполовину мертвый. Скажи, трудно ли убить полуживого?

Марк пожал плечами.

– Когда спящего человека бросают в воду, с ним может случиться что угодно. Сердце может остановиться, кровь хлынуть в голову... да мало ли, что! Ты хоть и друг мне, но мне порою бывает странно глядеть на то, какой ты невежественный.

Марк утер пот с лица рукавом туники.

– Не ухмыляйся! Не ухмыляйся мне в лицо! – взвизгнул Кай. – Хотя бы притворись, что тебе стыдно.

Марк примирительно кивнул головой и сказал товарищу:

– Успокойся, вон несут твою араку.

Кай вздохнул.

– Тебя не исправить.

Он принял араку с подноса у служки и вздохнул во второй раз.

– Жаль мне тебя, – Кай печальным взглядом посмотрел на друга, который заканчивал с верблюжьим супом. – Неужто вкусно?

Марк неопределенно пожал плечами.

– Для меня это не важно.

– А что важно?

Со лба Марка ручьями стекал пот и заливал глаза. Глядя на то, как мучает себя товарищ, Кай сделал глоток араки. Арака огненным шаром прокатился по нутру, и Кай от блаженства закатил глаза.

– Я предпочитаю лечить подобное подобным.

Марк обтерся рукавом туники.

– Ты хоть и учился со старанием, но остался невеждой почище, чем я. Был бы поумнее, последовал бы моему примеру.

– Существует мнение, что истина в вине, – Кай сделал второй глоток и развалился на кошме.

– Глупости, – Марк, отложив ложку, поднес глиняную миску ко рту и одним глотком допил остаток супа. – Вот ты начал день с вина, а я с острой похлебки. Согласен, тебе как будто полегчало, а меня все еще мутит. Но это ненадолго. Очень скоро болезнь выйдет из меня потом. А вот ты снова сделаешься пьяным.

– Чего и добиваюсь.

– Вот я и говорю, что ты дурень.

– Почему это я дурень?

– У тебя впереди заседание сената, а ты, знай себе, напивается с утра пораньше.

– Ну и что?

– Опять будешь клевать носом на виду у всех.

– А это, как ты выразился, неважно, – Кай легкомысленно отмахнулся и снова потянул из чаши. – Могу носом клевать, могу слюни пускать, могу пукать от блаженства. Важно, чтобы я во время и к месту поднимал мандат.

– Вот, вот.

– А за этим всегда проследят мои коллеги, все добрейшие люди, смею тебя уверить. К тому же сегодняшнее заседание обещает быть забавным. Докладывает преподобный Маврикий.

– Пастырь?

– Он самый. А оппонирует ему Тит Красс. Очень надеюсь, что твой папаша разнесет в пух и прах старого зануду. Ему это легко удается.

– Не в этот раз.

Кай вскинул бровь.

Этой осенью Кай Друз прошел жребий Золотого пера и уже месяц как состоял постоянным заседателем сената. А Марк Красс провалился. Оставалась возможность купить мандат с аукциона – десять из общего числа всегда выставляются на торг, – но отец отчего-то поспешил. Тит Красс сказал тогда сыну: «Фортуна отвернулась от тебя. Прискорбно, но мы не будем брать ее сзади. В этом году тебе предстоит решить другую задачу – жениться. Это не так трудно, как вытянуть золотое перо. Во всяком случае, с женитьбой не все решает случай». На выбор сыну Тит Красс предложил две кандидатуры. Первая – Марцела Сола. По отцу и матери она была из самых старых нобилей, а дядюшка ее был императором сводных легионов и в настоящее время вел войну на севере, во Фризах. Вторая – Юлия, дочь сенатора Маврикия, не особенно именитая, и не такая уж богатая, но Тит Красс отдавал предпочтение именно ей. «Единобожцы нынче набирают силу, и у них большинство голосов в сенате, – объяснял он свой интерес к девушке. – Мне бы очень хотелось заручиться поддержкой единобожцев. Маврикий возглавляет их общину. Они его называют „пастырь“, представляешь. К тому же, старик имеет связи на Востоке. Короче говоря, если тебе удастся надеть хомут на его дочурку, я буду тебе крайне признателен. Мне нужны связи и влияние единобожца, а тебе не мешают его деньги».

Марцела была смазлива, не более того. И глупа, как курица. Но зато с ней было весело в компании. Она любила посмеяться, была обучена восточным танцам и умела себя подать. С ней, без сомнения, можно было бы развлечься. Но жениться...

С Юлией все обстояло иначе. Лицом ее боги, вроде, не обидели. Но она всегда носила такую постную мину, что казалось ее год держали без пищи. Детство и первую юность она провела в монастыре и, по всей видимости, сделалась скучней и занудливей своего папаша. Какова она по стати сложно было судить, так как платья она выбирала согласно избранной религии – туники из тончайшего льна висели на ней точно ряса. Но справедливости ради надо признать: походка ее отличалась легкостью, и ноги у неё, похоже, были безупречны. А вот с бедрами не задалось – чувствовался под платьем излишек жира. Забавно, конечно, было бы соблазнить монахиню, но, опять-таки, куда на такой жениться. Так что Марк Красс уже месяц как уклонялся от порученного дела.

– Что ты этим хочешь сказать?

Марк утер губы и плотнул горячего чая из лепестков дарийской розы.

– Даже если на сегодняшнем заседании преподобный Маврикий превзойдет самого себя и будет сыпать благоглупостями, как никогда прежде, я думаю, отец воздержится от острот и не поднимет старикашку на смех.

– С какой стати? – выразил сомнение Кай Друз.

– Кай, ты теперь сенатор, – Марк подал знак корчмарю, который из-за барьера косился на товарищей. – Счет, дружище!.. И тебя взялась содержать республика.

– Ну и что?

– Ты ей обходишься в четыре тысячи сестерций³ в год. На эти деньги можно жить бедно и, главное, свободно. А я все еще нахожусь на содержании у своего отца. По этой причине я вынужден повиноваться. Так вот, отец мне повелел жениться.

Кай вскинул другую бровь.

– Вот как?

– Не спеши. Самое интересное – на ком?

---

³ Сестерций – латунная монета, квинарий – серебряная, ауреус – золотая. 1 ауреус=25 квинариям=100 сестерциям.

– И вправду интересно.

– Отец поручил мне захомутать дочь Маврикия. Юлию.

Вот теперь Кай Друз удивился без притворства.

– Так не думаешь же ты, что, поручив сыну столь ответственное дело, Тит Красс станет чинить помехи? Напротив, он постарается изо всех сил содействовать успеху. И мне думается, что он очарует Маврикия раньше, чем я охмурю дочурку.

Кай исторг из себя жалобный стон:

– Боги всемогущие, я не верю. Марк Красс, твой папаша спятил?

– Увы.

– Юлию Маврикию, монахиню! – еще жалобней простонал Кай Друз. – Боги, она же холодна, как рыба! Марк, я не верю. Ты согласишься вставлять в ее рыбью щель?

Марк отмахнулся.

– Опять-таки, не важно.

– А что важно? – Кай сокрушенно затряс головой. – Что происходит с этим миром? Мы все утро говорим о том, что для нас не важно. Чёрти что!

Подошел корчмарь и показал на доске мелом выписанный счет.

– Рассчитаешься? – спросил Марк.

Кай кивнул головой, достал кошель и отсчитал требуемую сумму.

– Так что же важно?

– Важно блюсти достоинство и оставаться мужчинами.

– Блюсти достоинство? Это у нас славно получается! Не собираешься ли ты поблюсти его еще немного? Что ты запланировал на сегодняшний вечер?

– Думаю наведаться к отцу, – пожаловался Марк.

Кай поморщился:

– Безнадежный вариант.

– Как знать.

– Я могу одолжить сто сестерций.

– Я не сомневался.

– Но тогда до конца декады нам придется ограничить свои запросы.

– Довольствоваться малым? К чему такие жертвы? – Марк скривил рот. – К тому же мне требуется серебро, а не латунь. Так что попробую выжать деньги из отца.

Марк поднялся на ноги. Кай поспешил за ним.

– Ну что ж, до встречи, – Марк протянул руку товарищу.

Кай с чувством пожал ее.

– После заседания я буду ждать тебя в бойцовском зале. Приходи. Сегодня бьются Спитамен и Зарин.

Друзья расстались, и каждый направился по своим делам: Кай к зданию сената, а Марк на ипподром. Там его поджидала любимица – Милашка. Он давно мечтал выкупить Милашку, но не доставало средств. Деньги, что у него заводились, уходили на другую страсть – к игре.

Милашка встретила Марка радостным ржанием. Только он переступил порог конюшни, как та забила копытами и мордой потянулась к нему через барьер. В соседних стойлах недовольно засопели другие лошади.

Марку всегда казалось, что Милашка источает истинно женскую влюбленность. И запах этой привязанности, как ни странно, льстил его самолюбию.

– Ах, ты, моя девочка, – умиленно пропел Марк Красс, обхватив рыжую кобылу за шею. – Застоялась? А мы сейчас побегаем, попрыгаем.

Он достал из кармана яблоко и угостил любимицу, которая просто обожала фрукты.

В этот день Марк работал над двойным ударом большим кавалерийским мечом на скаку.

Марк прекрасно владел гладиусом⁴. Его природная ловкость и подвижность способствовали этому. Для пешего воина в ближнем бою нет лучшего оружия, чем короткий ромлинский меч. Он позволяет бить без замаха, не крушить, а разить незащищенную плоть. Но в руках всадника короткий меч теряет свои преимущества. Попробуй, дотянись с седла до пешего бойца. И попробуй, проявить изворотливость, управляясь с животным. Тут надо идти напролом и бить наотмашь, крушить, что называется. И лучше бить с двух рук. А потому кавалерийский меч двуручный.

Сложность владения этим оружием заключается, во-первых, в том, что, переводя удар из стороны в сторону, всадник очень просто может зацепить длинным клинком и собственную лошадь. А во-вторых, чтобы держать меч двумя руками приходится бросать поводья. Попробуй-ка таким манером усидеть в седле и при этом еще махать по сторонам.

Марк Красс три года посещал ипподром и достаточно уверенно держался верхом. Он быстро освоил все навыки езды и уяснил основное правило: лошадь и человек должны чувствовать друг друга. Его первый наставник – раб из понтийских скифов – учил: «Человек на лошади выше всех людей. Пешие на него взирают, задрав голову. Но всадник для лошади должен казаться еще выше. Он должен быть над ней повелителем, более того, он должен предстать в ее глазах лошадиным богом. Сумей внушить животному благоговение, и оно будет служить тебе, как мы служим нашему богу».

В этот день Милашка проявляла истинное благоговение. Она несла своего бога так ровно, будто парила над землей. А Марк, поймав перебор ее копыт, старался не давить ей на спину.

Первое чучело Марк поразил кончиком меча – в грудь, а второе – острием в спину. Он повторил прием несколько раз, и каждый раз выходило лучше.

Незадача вышла, когда на чучела надели доспехи. Чтобы наверняка поражать цель, приходилось бить сильнее, и на замахах уходило время. Пока он разил цель справа, и затем переведил удар влево, лошадь успевала пронести его мимо цели. В настоящем бою это означало бы то, что оставленный позади противник ударит в спину: ткнет пикой под ребро или мечом подрежет сухожилия лошади.

Со второй попытки, рискуя задеть Милашку, Марк сразу после первого удара вывернул меч на замах второго, но цель опять осталась позади. В третий раз Марк изогнулся всем туловищем, стараясь дотянуться до отстающей цели, но этим самым добился только того, что вывалился из седла.

Рухнув на землю, он больно ушиб бок и растянул плечо. Милашка, ускакав вперед, долго не хотела возвращаться. А когда она все-таки вернулась, у нее был такой виноватый вид, что Марк искренне растрогался.

– Ты скачешь быстрее, чем мне удастся разить, – пожаловался Марк, поднимаясь со стоном на ноги, – Но не переживай, красавица, твой лошадиный бог еще покажет.

Из-за полученной травмы занятия с мечом пришлось оставить. Но зато они вдоволь напрыгались, как он и обещал Милашке. Они сумели взять барьер высотой в четыре локтя и перемахнуть через ров шириной в четыре паса⁵. Марк, в целом, остался доволен и собой и своей любимицей.

После ипподрома Марк посетил гимнатриум. Там он оставил без внимания снаряды (опять же по причине травм), но до усталости покувыркался. По мнению Марка умение падать и группироваться являлось необходимым навыком бойца, желающего одерживать победы.

После упражнений он час отмокал в нестерпимо горячей терме. Потом долго и тщательно мылся, и в конце дюжий костоправ, как следует помял ему бока.

Так что, явившись к отцу, Марк предстал перед ним свежий, как огурчик.

---

⁴ Гладиус – бронзовый меч пехотинца длиной в один локоть, обоюдоострый, с прямым клинком.

⁵ Пас – двойной шаг, 1,48 м.

– Чем попробуешь удивить на этот раз? – задал свой обычный вопрос старший Красс. Он сидел, склонившись над столом, и был занят составлением писем. Тит Красс всегда обходился без секретаря.

На столе перед отцом лежало четыре готовых церы, накрытых крышками и скрепленных свинцовыми печатями. Сейчас он трудился над пятым письмом.

– Как дела на любовном фронте? Есть какие-нибудь подвижки?

Марк приблизился к столу и опустился на скамью напротив.

– Задача, которую вы мне задали, отец, не из простых, – пожаловался он. – Ее не решить с наскока. Тут требуется подготовка. Я тужусь, отец.

– Я знаю, как ты тужишься, – Тит Красс старательно выводил бронзовым стилем письма на воске. – Без усталости втыкаешь в дырки дешевым шлюхам.

– С чего вы взяли?

– А с того, что на приличных у тебя не хватает денег.

Марк усмехнулся.

– Вы правы.

«Когда он, наконец, посмотрит на меня?»

– Но только в том, что касается моего кошелька. Во всем остальном, должен заметить, вы ошибаетесь. В настоящее время я занят сбором сведений о предпочтениях и слабостях отобранных вами претендентов. В атаку следует идти во всеоружии, – подпустил Марк немного риторики, – и разить в самое уязвимое место. Так меня учили.

Теперь усмехнулся отец.

– Самое уязвимое место девицы – это уши. Вложи в них побольше добротной лести, и она твоя. Только делать это надо умеючи.

Марк не растерялся.

– Вот я и учусь.

– Со шлюхами?

– Почему бы и нет?

– Балбес, – Тит Красс оставил на воске размашистый росчерк. – Вкладывать надо не в щелки между ног, а в другие отверстия, и не похотливый член, а комплименты, о чем я тебе и твержу. Но этому в дешевых притонах не обучишься, для этого надо общаться с куртизанками. Однако у тебя, как я уже отметил, маловато денег. Вот незадача!

– Так дайте мне их.

Тит Красс накрыл законченное письмо деревянной крышкой.

– Эту фразу я слышу с тех пор, как мой сын выучился внятной речи, – он поднялся и направился к очагу. – Сколько?

Марк глубоко вздохнул.

– Сто сорок орлов⁶.

В ответ Тит Красс присвистнул.

– Ты что, решил купить целиком салон «Орхидея»? Но туда даже я не захоживаю – дорого, знаешь ли.

– Хорошо, – согласился Марк, – дайте сколько можете. Думаю, для первого раза хватит и семидесяти.

Тит Красс с расплавленным свинцом вернулся к столу.

– Раньше я был сговорчивей, это верно. Твоя мать баловала тебя, а я ей не перечил. Но теперь ее нет, а ты достиг совершеннолетия. Я выполнил свой долг, Марк Красс.

Марку захотелось высказать отцу все, что он о нем думает, но вместо этого он поднялся со скамьи, приблизился к столу и, как благодетельный сын, изъявил желание помочь родителю.

---

⁶ На реверсе квинария изображался орел с расправленными крыльями.

– Я знаю, – Марк схватил со стола пеньковый шнурок и перетянул им церу, – вы всегда были для меня прекрасным отцом. И мне не следует злоупотреблять вашим чувством долга...

Марк ловко затянул узел фриволите, вывел два конца на торец доски, и отец полил на них свинцом.

– Попробуй, но, в любом случае, – предупредил Тит Красс, накладывая оттиск, – не получится.

– Но, отец, – Марк стиснул зубы и сделался пунцовым. – Это в последний раз, клянусь.

– Да, да. Слышал много раз.

– Я задолжал. За мной долг чести.

Марк с мольбой во взоре глянул на отца. Отец молчал. Собрал кустистые брови у переносицы и улыбался, распустив от уголков глаз к вискам старческие морщины.

– Я проигрался в пух и прах, – пожаловался Марк.

Тит Красс аж крякнул от удовольствия. Обогнул стол и опустился в кресло.

– И где же честь?

Самодовольный вид отца задел Марка за живое.

– Я играл под честное слово, – буркнул он. – Имеются свидетели. Долг должен быть уплачен!

– Согласен, должен, – Тит Красс, наконец, поднял глаза на сына. – Но почему ты решил, что обязательно моим серебром?

Марк Красс съязвил:

– Примут и золотом.

– А отчего не бронзой?

– Это как?

Тит Красс развел руками.

– Ты прекрасно владеешь мечом. Проткни кредитору брюхо. А заодно и свидетелям. И долг будет списан.

Марк зло усмехнулся.

– Прекрасный совет. Но вы меня с кем-то путаете. Я не разбойник!

– Ты оболтус! – Тит Красс откинулся на спинку кресла и воззрился на сына, как на экспонат в музее. – Скажи, как долго ты играешь в кости?

– Год, – признался Марк.

– А сколько раз тебе удавалось снять куш?

– Не часто.

– Скажи, ни разу! Если не считать начала. Мой славный сын, – с язвительной улыбкой вытянул Тит Красс, – ты попался в руки мошенникам. И у них одна цель – обчистить тебя до нитки. Кто назовет убийство мошенников разбоем? Это не преступление, а акт правосудия, не так ли, – Тит Красс стер с лица ухмылку и строго повелел. – Придвинь скамью и сядь. Поговорим серьезно.

Марк повиновался.

Тит Красс задержал на сыне неприятливый взгляд. Потом и сам подтянулся к столу, схватил стиль и завертел им в пальцах.

– Я не раз задумывался над тем, почему ты вырос таким, каким я имею несчастье тебя видеть, – Тит Красс снова распустил от глаз к вискам морщинки и залюбовался тем, как бронзовый наконечник стиля отражает свет масляной лампы. – Ведь ты взял лучшее от своих родителей. Силой и ловкостью пошел по материнской линии. Ликинии все без исключения были отменными фехтовальщиками и атлетами. Ум тебе достался мой, что, без сомнения, удача. Кроме того, ты напорист и дерзок, и не обделен отвагой. Прекрасный набор, надо заметить. С такими качествами нетрудно сделать достойную карьеру. Однако к двадцати годам мой сын ничего не добился. Прискорбно. И я прихожу к выводу, что причиной тому отсутствие цели, –

Тит Красс положил стиль на прежнее место и залюбовался своими холеными пальцами. – Мой сын вырос прожигателем жизни. Он сильный, умный, отважный, но он мальчишка! Ему не удалось сделать из себя мужчину. Помолчи! – рявкнул Тит Красс, когда Марк попытался вставить слово. – Тебе следует знать, что юнца мужчиной делает способность трудиться над собой, способность идти к намеченной цели! Но как трудиться, как идти к цели, если цели нет? Когда я приехал в столицу, мне было меньше твоего. Приехал провинциалом, без денег и связей. К тому же я не отличался крепким здоровьем и не знал, как правильно браться за меч, и с какой стороны следует подходить к лошади. Но у меня были мой ум и желание трудиться. У меня было страстное желание доказать всем, чего я на самом деле стою. И я удивляюсь, почему у тебя нет такого же желания. Неужели тебе не хочется доказать окружающим, что ты лучше и достойнее, чем они о тебе думают?

– Ни сколько, – отрезал Марк.

Тит Красс насупился.

– И это печально. Наша светлейшая республика, – пустился он в демагогию, как привык делать на заседаниях сената, – была когда-то провинцией цивилизованного мира. Этрусс делало державой стремление заявить о себе во всеуслышание. Он создан был мечами и скреплен законом, расширен мечами, и снова скреплен законом. Основа этрусского характера – амбициозность! В тебе же я не вижу этого качества. Печально и то, что ты не одинок – отсутствие амбиций отличает все ваше поколение. Если не ошибаюсь, это означает вырождение нации, ее старость. Старики, как известно, впадают в детство. А вы застряли в нем, не успев состариться. Вы бездельники и тунеядцы, которые не могут позаботиться сами о себе, и плюс ко всему капризные. Вы по детской привычке продолжаете клянчить деньги у родителей. Позор! – Тит Красс бросил на сына неприязненный взгляд. – Молчишь. Нечего сказать? Но я все же спрошу. Что ты сделал для меня, что ты сделал, чтобы отплатить мне за заботу? Я попросил тебя о ничтожной услуге и очень надеялся, что ты окажешься полезен. Но прошел месяц, а ты даже пальцем о палец не ударил. Что это так трудно?

– Отнюдь.

Марк глядел на отца, стиснув зубы, и снова сделался пунцовым.

– Тогда в чем дело? Скажу тебе напрямик, – Тит Красс выдержал паузу. – Моя карьера пошла в гору сразу после того, как я женился на твоей матери. Состояние и влияние ее семьи обеспечили мне хороший старт. Да, это так... Но сейчас Ликинии потеряли силу. А неудачи твоего дядюшки во Фризах ни коим образом не способствуют ее возрождению. Мне нужна поддержка Сола или Маврикиев! Понимаешь?.. Так дай мне требуемое!

Марк разжал зубы и выдавил улыбку.

– С какой стати?

– Для разнообразия хотя бы. Попробуй, может быть, понравится помогать отцу.

– Надевать на себя ярмо? И это при том, что ты мне отказываешь в малом?

– Торг?

– А как же.

Тит Красс окинул сына оценивающим взглядом.

– Мне эта женитьба неинтересна. Тебе – напротив. Если ты хочешь, чтобы я таскал из огня каштаны, постарайся заинтересовать.

– Ах, вот как ты видишь дело, – в глазах Тита Красса зажегся лукавый огонек. – Должен тебе заметить, сын, что не ты один стараешься по части каштанов. Я разгребаю угли, чтобы ты не обжог руки. Для успеха дела мало согласия девицы, надо, чтобы и отец не возражал. Так вот, я уже начал обрабатывать папашу Маврикия.

Марк всем своим видом выразил безразличие.

– Маврикий на сегодняшнем заседании ратовал за отправку к границам со Скифией двух легионов. Там, видите ли, стало беспокойно...

– Меня не интересует политика.

– Но мы живем в Ромле, столице Этрусса! Здесь кругом политика. Так что вникай, сынок. Марк скривил лицо.

– Так вот, – продолжил Тит Красс, не обращая внимания на гримасы сына, – Маврикий высказал беспокойство по поводу ситуации, сложившейся на границе. Что, впрочем, понятно. Но старый перечник потребовал, чтобы легионы укомплектовали рекрутами из единобожцев. Якобы они стойче в бою и дисциплинированы. Представляешь? Абсурдность этой идеи неподражаема, а подоплека шита белыми нитями. «Профанация!» – так бы я сказал старику при иных обстоятельствах. И большинство в сенате согласились бы со мной, так как ни для кого не секрет, что Маврикий религиозный фанатик и хочет помочь единоверцам в восточной империи. А заодно не прочь сформировать за счет республиканской казны побольше преданных ему легионов. Я мог разнести доклад Маврикия по всем пунктам, причем проделал бы это с блеском. Но, к разочарованию и изумлению коллег, я встал на защиту единобожца. Да, это надо было видеть. Как у всех вытянулись лица!.. Однако больше других изумился сам Маврикий. Когда я набросился на правительство и обвинил его в беспечности и близорукости, а армию – в разложении и падении боевого духа, единобожец не поверил своим ушам. Когда же я потребовал сформировать не два, а три новых легиона, старик аж прослезился. Так что, дорогой мой сын, на сегодняшний день для успеха брачного предприятия я сделал больше твоего.

Марк, выслушав отца, предложил с кривой ухмылкой:

– Раз вы такой ловкий и предприимчивый, может быть, заодно с папашей охмурите и дочурку? Я уверен, у вас получится.

Тит Красс устроил овацию.

– Браво, роскошная идея! И как я сам не додумался. Ты прав, я все еще в силе и не лишен в некотором роде привлекательности. Кроме того, у меня репутация получше твоей. Надо как следует обмозговать твою идею. Возможно, тебе не придется таскать для меня каштаны. Но тогда, прости меня, сынок, ты лишишься моего расположения и останешься без моей поддержки. И что тогда ты будешь делать?

Марк не нашел, что сказать, и вынужден был признаться в том, что потерпел фиаско.

– Ступай, – повелел отец, – и подумай. И сподобься, наконец, на что-нибудь достойное!

Марк стрелой вылетел из отцовского кабинета и, на прощанье, хлопнул дверью.

глава III

Жамбо из рода Тома

Убегая на восток, волки натолкнулись на горы: Небесные и Крышу Мира. Всем известно, что нет во всем свете возвышенностей более величественных, чем эти две, и то, что их преграда непреодолима. Небесные и Крыша Мира подобны стене, воздвигнутой богами. Но волки об этом не знали, и не было у них времени разведать местность. Волчья стая распалась надвое: одни в отчаянии бросились на приступ горных круч, а другие пошли в обход, на север. И пара драконов, преследующая их, также разделилась. Первая стая волков, поплутав в горах, в конце концов, отыскала в стене проход. Он был узок, все равно, что щель. Волки-то в нее протиснулись, а вот дракону пришлось перелетать через вершину. В высокогорье дракону сделалось худо. Воздух там оказался пустым. Даже драконы крылья не могли об него опереться. К тому же в поднебесье царил холод, и дракону, чтобы не замерзнуть, пришлось расходовать огонь. В итоге, когда он перевалил через хребет Небесных и увидел открывшуюся внизу равнину, он решил оставить погоню, рухнул на землю и был счастлив уже тем, что выжил. С радостным чувством он стал глядеть на то, как земля, согретая его жаром, оживает и покрывается травами.

Гэсер Татори. История от начала времен.

– Отчего мое солнце сделалось холодным? Отчего оно не светится, как прежде, не обогреть Меванчу⁷? Мое солнце больше не любит свою кошечку?

Голос кошечки звучал жалобно, плаксиво. Противно было слушать. По-хорошему, следовало наградить ее увесистой оплеухой, чтобы не ныла и не мешала думать. Ведь бабьи стенания самая мерзопакостная вещь, от них портится состояние духа и расстраиваются мысли. Но Жамбо ограничился безобидным замечанием:

– Ты глупа, моя дорогая.

До кошечки не сразу дошел смысл сказанного.

– Что, впрочем, не удивительно. У женщины ума тем меньше, чем она красивей.

Девчонка растерялась еще больше, не зная, как отнестись к услышанному: похвала это или хула?

– Как говорится, длинные волосы – короткий ум. Но ты не настолько хороша собой, чтобы сыпать глупостями без остановки. Помолчи, моя киска. Твой буланный должен поразмыслить.

Девчонка насупилась. Уселась в углу, задрала колени и уткнулась в них капризным подбородком. И принялась сверлить взглядом свое неласковое «солнце». А «солнце» пружинистым шагом, будто вытанцовывая, закружило по комнате, отмеривая каждый шаг ударом кулака в раскрытую ладонь. Вышагивало и о чем-то думало.

– Так ты говоришь, что хозяйка твоя хороша собой?

Девчонка не ответила, только насупилась еще больше.

– Что она любит? – удар.

Девчонка фыркнула:

– Она любит, когда ей делают подарки.

– Это любят все женщины, – еще удар.

– Так она и есть женщина, – девчонка скривила рот, – притом знатная! К ней на плешивом осле не подъедешь.

⁷ Меванча – кошечка.

– Зачем же на плешивом?

– Ха-ха, – девчонка постаралась принять надменный вид. – Можешь не мечтать! Моя госпожа с такими, как ты, даже разговаривать не станет.

– И что во мне не так? – мужчина остановился у зеркала и глянул на свое отражение.

Девчонка горько усмехнулась.

– Сама себе удивляюсь, как меня угораздило связаться с фруктом вроде тебя.

Фрукт еще раз критично оглядел себя. На него из дорогого зеркало – дхаунт⁸ высотой – смотрел смуглый здоровяк средних лет и среднего роста. Он обладал неестественно удлиненным туловищем и короткими, выгнутыми колесом ногами. Он подпоясывал кушак под животом, на бедрах, и это делало несоответствие туловища и ног вопиющим. Руки у него, напротив, имели такую непомерную длину, что едва не доставали до колен, и этим он напоминал обезьяну. Голова также отличалась большим размером и обладала формой шара. Если бы не широкая, мускулистая спина можно было бы подумать, что ему на плечи поместили тыкву. Лицо было плоское, без всякой растительности, и отливало бронзой. Нос – приплюснутый, короткий. А глаза – длинные, вытянутые к вискам, с короткими веками, на которые были посажены коротенькие ресницы. Волосы, впрочем, были роскошные. Густые, длинные, темно-коричневого цвета, почти черные, только на кончиках и еще кое-где местами отливавшие рыжиной. Их заплетал в косицу. И глаза у него были такие, какие не могут оставить женщину равнодушной – черные и горячие точно угли. Он взирал ими на окружающих задиристо, с усмешкой.

– Да, ты права, – проговорил здоровяк, вдоволь налюбовавшись собой, – я еще тот красавец. Таких в ваших краях не встретишь. Но это меня больше радует, чем огорчает. Потому что у мужчин так же, как у женщин: чем красивее, тем глупее. С той только разницей, что глупый мужчина это уже не мужчина.

Девчонка пропустила его болтовню мимо ушей и, думая о своем промямлила:

– До тебя за мной ухаживал один юноша. Он знал грамоту и был удивительно хорош собой. Он нравился всем моим подругам.

– И что случилось с этим юношей?

– Я ему отказала.

От воспоминаний об отвергнутом поклоннике у девчонки окончательно испортилось настроение.

– Тут ты, конечно, дала маху, – посочувствовал здоровяк. – Если юноша знал грамоту, значит, он был не так уж глуп. И к тому же, как ты утверждаешь, он обладал красивой внешностью. Выходит твой прежний парень представлял собой редкий случай исключения из правил. Мне жаль, – здоровяк вздохнул, – но я, слава богу, к твоей оплошности непричастен. Ведь меня при этом не было.

– Ты такой черствый! – с чувством заявила девушка. – Ты выставляешь на смех все хоть сколько-нибудь возвышенное. Это потому что у тебя совершенно нет души!

– Каюсь, – здоровяк отвернулся от зеркала. – Я черствый, и возможно, у меня нет души. Но зато у меня есть кое-что другое, – он подошел к сундуку в углу комнаты и, откинув крышку, извлек из него скрутку диковинной материи. – Глянь сюда. Думаю, что это примирит тебя с моими недостатками.

– Что это? – спросила девчонка, оставив хмуриться.

Один конец скрутки выпал из рук мужчины, ткань размоталась и кровавой струей растеклась по полу.

– Шелк, – сообщил мужчина с довольным видом. – В ткацком деле с начала времен не было придумано ничего лучшего. Но в ваших краях о нем пока не знают. Ты первая, кому посчастливилось узреть.

---

⁸ Дхаунт – рост среднего человека с вытянутыми вверх руками.

Девчонка, не отрывая глаз от играющего всеми оттенками красного куса материи, поднялась и подобралась к своему благодетелю.

– Я намерен одарить тебя этой роскошной тканью. Пошей себе шальвары, или хитон... Хотя ты такая маленькая, что хватит и на то, и на другое.

– Такая гладкая, – с зачарованным видом проговорила девчонка, проведя рукой по ткани. – Тонкая...

– Нравится?

Девочка выдохнула:

– У меня нет слов...

Благодетель снова сделался грубым.

– Раз нет слов, так и говорить больше не о чем, – он с грохотом захлопнул сундук и заключил. – Забирай и проваливай! Я хочу, чтобы ты нынче же облачилась в обновку.

Девочка сгребла в охапку ткань и, еще не веря выпавшей удаче, снизу вверх посмотрела на мужчину.

– Ты сказала, что у твоей госпожи вечером собираются местные вельможи.

Девчонка кивнула головой.

– Тогда поторапливайся. Мне надо, чтобы гости подивились, глядя на тебя.

Мужчина схватил девочку за шиворот и поставил на ноги.

– О, мое солнце, – пролепетала та.

– Знаю, знаю, – перебило «солнце». – Знаю все, что ты можешь сказать, – мужчина поволок ее к выходу и там вытолкнул за дверь. – Да, не забудь сообщить, когда спросят, что этот чудесный дар ты получила от знатного купца по имени Жамбо. Скажи: у Жамбо из рода Тома много всяческих диковин.

Дверь захлопнулась перед носом у озадаченной девчонки, и мужчина, оставшись наедине с собой, перевел дыхание. Затем он вернулся в комнату и, встав перед зеркалом, с одобрением посмотрел на свое отражение.

«Старый пройдоха Жамбо, – проговорил он, любуясь собой. – Одну птичку ты приручил, осталось заставить запеть другую».

Местом встречи со второй своей певчей птичкой пройдоха Жамбо выбрал пустырь, тот, где по базарным дням торговали скотиной. Место, на первый взгляд, не вполне подходящее для свидания с женщиной – все усыпанное конскими яблоками и коровьими лепешками. Но, зато, безлюдное по будням.

К встрече Жамбо из рода Тома подготовился, как следует. Туго стянул волосы на затылке и заново заплел косицу. Прошелся бритвой по лицу, снимая редкую поросль. Полил на себя душистой водой, как это принято у чудаков-согдийцев. И переоблачился в платье по здешней моде: кожаные, расшитые серебряной нитью широкие шальвары, просторный парчовый халат, а под ним – льняная блуза с серебром по вороту. На шею повесил золотую цепь с медальоном, усыпанным камнями. Да еще все пальцы унизал перстнями. Одним словом, вырядился таким щеголем, что глаз не оторвать.

С выбором лошади тоже не промахнулся. Всем шести лошадям своей конюшни предпочел красавца чубарого. Этот жеребец пятилетка был самым видным из всех – и по масти, и по стати, а особенно по внутреннему складу.

Его чубарый в основе был гнедой, а на кончиках волос – вороней масти. Гнедые, как хорошо известно, это те лошади, которых отличает выносливость и сила – самые важные скаковые качества. Гнедые хороши на марше, да и в целом они из самых добрых лошадей. Но при всех достоинствах имеется у них изъян – они скучны, а на вкус Жамбо – через чур скучны. Нет у них пламени, нет задора. А это бесспорный недостаток для боевых коней. В бою лучше других проявляют себя вороные или кони дикой масти, так как последних от природы отличает злобность. И поэтому некоторые воины держат двух коней: один доставляет до поля боя,

а на другом он врубаётся в сечу. А с чубарым такое без надобности. В силу того, что он двух мастей и сумел взять лучшее от обоих, он хорош и на марше, и в схватке. К тому же чубарый дичок, притом самый натуральный, а у диких, как известно, самый кошмарный норов. Скучными их точно не назовешь. Так что чубарый это та лошадь, надежней которой не найти, с той лишь оговоркой, что, как дичок он плохо приручается. Но Жамбо из рода Тома приручать умел, с этим, как говорится, не поспоришь. Он сделал из дичка такого коня, который ловит команды еще прежде, чем наездник успеваешь натянуть поводья. Его чубарый понимал хозяина с полуслова, на каком бы языке тот ни сказал, хоть на родном хиданьском, хоть на дари, хоть на языке вед. В общем, Жамбо сильно гордился и собой, и своим чубарым. А потому он был сильно озадачен, когда девица, на встречу с которой он приехал, обозвала его любимого коня коровой.

– Корова? – повторил Жамбо с искренним недоумением.

Девица нагло ухмылялась, глядя на него. Она стояла на краю пустыря. В длинной, доходящей до колен сорочке, в тонких шальварах, в бархатной безрукавке, тесно стягивающей грудь, она показалась Жамбо почти красивой. Пожалуй, груди были маловаты, и полные губы напрасно кривились в ухмылке. Но во всем остальном, без преувеличений, девица была самой благородной породы – ни дать, ни взять, рысистая кобылка.

Больше всего остального Жамбо понравилось ее лицо. Оно обладало необыкновенно белой кожей. Такой белой и такой тонкой, что на солнце, под его жгучими лучами, она делалась прозрачной и на носу и под глазами покрывалась веснушками, такими же золотистыми, как породившее их солнце. На фоне черных, длинных, спадающих до пояса волос ее белоликость была особенно впечатляющей.

«Редкая масть», – отметил Жамбо и сразу назвал ее «савраской».

– Корова, говоришь? – проговорил Жамбо, подведя лошадь поближе к саврасой. – Но где ты видишь корову?

Девица продолжала ухмыляться, и только позу поменяла – переступила с ноги на ногу.

– Под тобой, чужеземец. У вас так принято, ездить на коровах?

«Дерзка, – отметил Жамбо. – Языкаста», – и усмехнулся.

– Подо мной рысистый жеребец, каких мало, – он взял снисходительный тон. – Неужели так сложно отличить благородное животное от скотины?

Девица поглядела на лошадь, пожала плечами.

– Животное все в пятнах. Не знала, что это признак благородства.

Жамбо всегда умел порадоваться хорошей шутке и ценил чувство юмора в мужчинах. Но женщине, по его убеждению, следовало воздерживаться от колких замечаний и еще лучше держать язык за зубами.

Он чуть тряхнул поводьями, и его чубарый, вскинув голову, скакнул на языкастую девицу. Та едва успела отскочить. Она перестала ухмыляться, но в ее прищуренных глазах как будто полыхнуло злобой.

Ему это почему-то понравилось. Он широко улыбнулся, показав свои ослепительно белые зубы.

– Ты непочтительна, моя саврасая, и дерзка сверх меры. Но я тебя прощаю.

– Что ты скалишься! – крикнула девица, отбежав от лошади, которая продолжала наступать на нее. – У тебя зубы, как у твоей коровы. Думаешь, это красиво?

– Мой чубарый в бою зубами рвет глотки врагам, – Жамбо придержал лошадь. – И я рад, что у меня такие же. Но наши зубы для тебя не угроза, мы тебя не тронем. Что ты все пятишься от нас?

Девушка остановилась и, переведя дыхание, крикнула:

– И что еще за саврасая? Сам ты саврасый.

Жамбо склонился в седле и показал ей свою макушку.

– Видишь, – проговорил он и тряхнул косицей, – я буланый. Я вроде вороной, но на кончиках волос – я рыжий, – дав девушке изучить свою гриву, Жамбо разогнулся и одарил ее самой приветливой улыбкой. – Так и зови меня отныне – мой буланый.

Девушка усмехнулась и посмотрела на Жамбо с некоторым интересом. Такой же взгляд у нее был и в тот день, когда Жамбо впервые увидел девуцу.

В тот раз она брела по рынку и разглядывала прилавки, с которых торговали красками. Маниах – самый отъявленный плут на рынке, завидев ее, вскочил со своего места и бросился ей наперерез.

– Не там ищешь, красавица! – крикнул он, подбегая к девушке. – Я знаю, что нужно твоему господину. Идем, – сказал он, схватив ее за руку, – я покажу то, чего нет ни у кого на рынке.

Торговец завел девуцу за свой прилавок и из груды, наваленных друг на друга мешочков, выбрал один.

– Вот тот товар, который угодит изысканному вкусу нашего достославного шахриарты⁹. Я знаю, как взыскателен твой господин, и приберег для него то, что нужно.

Услышав о градоначальнике, Жамбо наострил уши и уже не спускал глаз с савраски.

– Вот полюбуйся, – предложил торговец и пересыпал из мешочка в ладонь. – Это настоящая хиндустанская хна. Видишь, она темная. Да, здесь на рынке все готовы поклясться своим товаром, но только я один говорю правду. У всех на руках дарианская краска, и только у меня истинно хиндустанская. Сама подумай, девочка, – предложил рассудительно торговец, – откуда взяться товару из Хинда, если уже год, как дорога туда закрыта.

– А у тебя откуда? – недоверчиво спросила саврасая.

Торговец улыбнулся.

– Я мог бы сказать, что это из старых запасов, но зачем мне врать? Ты такая пронизательная и рассудительная.

– Так скажи правду, – потребовала савраска.

– За правду можно схлопотать по шапке. Тебе ведь известно, что якшаться с разбойниками, засевшими в горах, преступно.

Услышав это, девица наградила Маниаха тем самым взглядом, которым теперь оглядывала Жамбо. Она ухмыльнулась, сощурила глаза и погрозила пальцем.

– Пройдоха. Разбойники грабят караваны, а ты, значит, сбываешь краденное.

Торговец улыбнулся во весь рот.

– Я этого не говорил. Это ты сказала.

– Моли бога и пророка, чтобы я другим не рассказала.

– Целыми днями только тем и занимаюсь, что зываю к высшей силе. Ведь она поможет, верно?

– Как знать, – савраска перестала улыбаться и спросила напрямик. – Сколько просишь?

Пройдоха Маниах ответил не сразу.

– Меня так учили, – сказал он, глянув на девушку с серьезным видом, – когда имеешь дело со смышленным человеком, да хотя бы с женщиной, юлить грешно. А потому скажу тебе так: мне товар достался за полцены, значит, и я с тебя возьму лишь половину от цены на рынке.

– Это справедливо.

– А если меня кто спросит, к примеру, приказчик шахриарты, так я скажу ему, что взял с тебя полную плату.

– И это верно, – согласилась саврасая, – с чего бы тебе, уважаемый, торговать себе в убыток?

«А девка-то шустра», – подумал Жамбо, глядя на то, как она отсчитывает деньги.

---

⁹ Шахриарта – градоначальник.

- Если найдется еще что-то, в этом роде, дай знать.
- Непременно.

Мошенники подмигнули друг другу и расстались довольные собой и заключенной сделкой.

Девушка побродила еще немного меж рядов, прикупила всякого и с полными корзинами покинула рынок.

Жамбо всюду следовал за ней. Проплутал по узким улочкам квартала шорников и сидельников, где пахло выделенной кожей и краской; пересек сад, где под тенистыми платанами торговали навynos снeдью, и, миновав храмовую площадь, попал в квартал занимаемый знатно, и там убедился, что его савраска вошла в ворота дома шахриартры.

На следующее утро он подкараулил ее у хауса¹⁰. Жамбо знал, что последователям Зеро Аштры предписывается совершать первую молитву с первыми лучами солнца, а еще прежде – омовение. Иными словами они следуют правилу: очищать тело прежде, чем очистить душу. А потому здешние люди еще затемно, только-только забрезжит рассвет идут за водой.

Сидя на корточках у края бассейна, Жамбо черпал воду медным ведром и наполнял кумганы. «Воздастся подающему воду», – благодарили его каждый раз при этом. И Жамбо отвечал положенное: «Воздастся верующим».

Савраска узнала его еще издали. Когда подошла ее очередь, и Жамбо наполнил ее кумган, она вместо положенной благодарности сказала: «Ты вчера шел у меня по пятам. Я тебя заметила еще на рынке. Чего тебе надо, чужеземец?»

Жамбо восхитился. «Если тебе и вправду интересно узнать ответ, и при этом еще заработать денег, приходи сегодня после третьей молитвы на пустырь за рынком?» В доказательство серьезности своих слов он вложил в ладонь девушки серебряную монету. Та зажала ее и, ничего не сказав, ушла.

«Действительно смышлена», – подумал Жамбо в то утро, провожая савраску восхищенным взглядом. И так же подумал теперь, разглядывая девушку, стоящую посреди пустыря, усыпанного конским и коровьим навозом.

«Добрая половина женщин, получив приглашение на первое свидание, сочла бы, что с ними строят шашни, и принарядилась бы для первого раза. Другая половина решила бы тоже самое и вовсе не явилась бы на встречу – из страха или стыдливости. А эта пришла, но даже не подумала наряжаться. Смышлена, смышлена. И к тому же не знает страха».

– Ну, хватит глазеть-то. Заворожить, что ли, хочешь? – нетерпеливо крикнула савраска. – Если есть, что сказать, говори, а то я пошла. Что надо?

На всякий случай Жамбо решил испытать ее по части шалостей.

– А сама ты не догадываешься, что может потребоваться мужчине от красивой девушки? Это же очевидно.

Савраска хохотнула.

– Куда это ты клонишь?

Жамбо с довольным видом отметил: «Девчонка совершенно не обучена кокетству. Фауны – ценители любовной интриги – от души посмеялись бы над ней».

– Если у тебя на уме одни глупости, то тебе следует знать, что я честная девушка и в такие игры не играю. Да и тебе не советую.

– Отчего так?

– Ты когда в последний раз смотрелся в зеркало?

– Не далее, как сегодня утром. Я со всей ответственностью готовился к свиданию.

– Плохо смотрелся, и напрасно тратил время. Соблазнитель из тебя никакой.

– Это почему?

---

¹⁰ Хаус – каменный водоем.

– Рожей не вышел.

Жамбо рассмеялся.

– Неудачный день. Ты не первая, кто сегодня пеняет мне на мою наружность.

– Значит, она того заслуживает.

«Этой палец в рот не клади, по локоть откусит. Но ничего».

– Разве ты не знаешь, савраска, что в кругу воспитанных людей не прилично говорить в лицо все, что приходит на ум. Так можно и обидеть, верно?

– Я знаю, что такое приличия. Это когда черное называют белым, – заявила девица, – и наоборот. Хочешь, чтобы я сказала, что ты красавец?

– В тех краях, откуда я родом, меня именно за такого и держат. Смею тебя уверить, я пользовался успехом у многих женщин.

– Что-то не верится.

– А это от того, что ты не видела ничего, кроме этого города и его окрестностей. А вот я много попутешествовал и смог убедиться, что в разных странах по-разному смотрят на вещи, в том числе и на то, что считать благовидным и приятным взору. Есть, например, земли, где за первых красавиц держат тех, у кого на лице имеется родимое пятно или большая бородавка. А есть страна, где особо почитают косоглазых.

– Ага.

– Скажу тебе больше, в одном городе мне как-то сватали хромоножку, и очень удивились, когда я отказался от нее. Это потому, что хромота и сухорукость там считаются проявлением высшего совершенства. Многие женщины и девицы в том городе специально калечат себя. Как видишь, представления о красоте – одна условность. Взять хотя бы тебя. Здесь ты, положим, красавица, а попади ты в наши земли, и от тебя будут шараться.

– С чего бы?

– А с того, что таких белолицых, как ты, у нас считают хворыми. А кому нужна больная баба?

Девица скривила рот и отмахнулась.

– Хворая, так хворая. Это даже хорошо, когда от тебя шараются.

– Так и я о том же, – заверил Жамбо с видом преданнейшего друга. – Не важно, как ты выглядишь, важно, что у тебя внутри. Только не каждому дано умение видеть внутренности.

Получив наглядный пример вопиющей неграмотности и косноязычия чужеземцев, девушка позволила себе легкую ухмылку.

– А вот мне дано. Я смотрю в тебя, как в воду, и вижу всю тебя насквозь.

– Мои внутренности?

– Твое нутро.

Жамбо прищурился и сказал с видом провидца:

– Я вижу девушку, преисполненную всяческих достоинств. Честную, смелую, решительную, наделенную жизненной силой. Иметь такую женой – величайшее счастье. Да только она сирота и не знает родни – бесприданница, одним словом. А кто возьмет такую в жены? Никто. Вот она и ходит в девках, хотя ей давно пора познать мужчину и завести детей.

Девушка перестала ухмыляться. Нахмурилась.

– Откуда ты это знаешь?

Жамбо жестом призвал ее к молчанию.

– Слушай дальше. Девчонка служит у шахриарты, а тот известный пакостник. Как говорится, петушок, из тех, кто насакивает на все живое. Саврасая шахриарте приглянулась сразу, но оказалась к его досаде недотрогой. Пробовал подлец подольститься, пробовал купить, да все никак – девка не дается. Вот шахриарта и осерчал на нее. Изводит теперь ее придирами, а чуть что не так – охаживает плетьюми. У девчонки вся спина исполосована, и если принюхаться, то можно учуять запах горной смолы. Мумиё называется. Она им залечивает раны.

– Тебе служитель бассейна проболтался? – догадалась девица. – Смолу я у него покупала. Сколько ты потратил, чтобы развязать ему язык?

– Поверь, мне это почти ничего не стоило. Кувшин вина, круг сыра, и сердобольный старик с радостным сердцем рассказал о печальной участи несчастной сиротки.

Девушка долго смотрела на странного собеседника, так долго и пристально, что Жамбо начал беспокоиться, как бы она взором не просверлила в нем дыру.

– Сначала я решила, что вижу болтуна и бахвала, – проговорила девушка, наглядевшись на чужеземца, – уж больно ловко ты начал хвастать и складно привирать. Но теперь я вижу, что ты темная лошадка. Темный, почти что черный, и весь в подпалинах. И впрямь буланый. Как тебя зовут?

– Я Жамбо. Из рода Тома.

– Откуда ты, Жамбо?

Жамбо отмахнулся:

– Не важно, – он выждал паузу и предложил. – Поговорим о деле?

Девушка смерила собеседника мрачным взглядом.

– Давно пора.

– Хотела бы ты отыгаться за все свои обиды, – поинтересовался Жамбо. – И заодно заработать денег?

Девушка не ответила.

– Меня интересует все, что происходит в доме твоего господина. Кто его посещает? О чем он беседует со своими гостями? Я хочу, чтобы ты наострила ушки. Запоминала все, что услышишь и передавала мне. В особенности меня интересуют те беседы, которые проходят за закрытыми дверями.

– Ты любишь чужие тайны?

– Я люблю мясо, женщин и лошадей. А знать чужие тайны – мое ремесло.

«Кажется, я превзошел самого себя. Эта птичка будет петь для меня самые замечательные песни».

Жамбо достал из-за пояса кошель и, перегнувшись в седле, протянул девице.

– Здесь пятьдесят васпров¹¹. Плачу вперед. Это чтобы ты знала – я не обманщик.

– А откуда тебе знать, что я не обману?

Жамбо ухмыльнулся.

– Ты честная – сама так сказала. А потом, я знаю, как сладко бывает досадить хозяину, которого хочется убить.

Жамбо дернул за поводья, и чубарый снялся с места.

– Будет что сообщить, ищи меня в храме просветленных. Я там пропадаю всякую ночь.

Девушка крикнула вслед:

– Ты не спросил мое имя!

– Я знаю, – ответил Жамбо, пуская лошадь рысью. – Тебя зовут Роксан!

---

¹¹ Васпр – серебряная монета.

глава IV

Свами Шарма Триведи

Обосновавшись на равнине между Небесными горами и Крышей Мира, восточные дары создали четыре своих государства. По причине хорошего климата и прочих благоприятных условий население этих стран стало быстро разрастаться. Когда оно сделалось таким огромным, что перестало вмещаться в границах государств, часть дары отыскала в горах проход, впоследствии названный Гиндукуш, и перебралась с севера на юг. Там переселенцы нашли обширный, не занятый ни кем полуостров. Особенностью его являлось то, что там полгода царит невыносимая жара, а другую половину года – мокрота и слякоть. Одним словом, климат на полуострове оказался нездоровый, и таким же нездоровым пошло потомство переселенцев. Мужичи дары в сердцах прокляли ту страну и дали ей имя «Хинд», что в переводе с древнего языка означает «недуг». Правда, некоторые знающие люди утверждают, что название произошло от старо-дарийского «худо», что значит бог. Но, как бы там ни было, с тех пор и до сего времени страна носит имя Хинд, а население ее – хинди или хиндустанцы. Особенной стороной образа жизни хиндустанцев является их приверженность к так называемым духовным практикам. Что это такое понять невозможно, но с помощью этих самых практик они пытаются восполнить недостаток в силе и здоровье, в том, в чем природа обделила их от рождения.

Гэсер Татори. История от начала времен.

Браговат Асора уверял, что поводов для беспокойства нет. Он уверял, что в горах безлюдно, и даже звери там большая редкость. Самое страшное в горах это холод, но от его натисков легко спасут теплая одежда и огонь. За перевалом, на северных склонах чуть-чуть похуже, предупреждал Браговат Асора. Там попадают лихие люди. Но и они не так опасны, как может показаться. Пять лет назад, когда Браговат Асора проходил здесь в первый раз, разбойники только обобрали его и отпустили, даже оставили немного еды в дорогу. Правда, в горах случаются обвалы, но эту напасть можно переждать. Главное следить внимательно за облаками, и их движение предупредит о приближении ненастья.

Браговат Асора рассказал о многом, что может подстергать в горах. Но он не сказал о главном. О том, что на подходе к перевалу стоит застава. Что держат ее неведомые люди. У этих людей белые волосы и синие глаза. Они хватают всех, кто хочет пройти из Хинда в северные земли, и держат у себя в плену. Браговат Асора не сказал, что эту заставу надо обойти.

Браговат Асора обманул. И что теперь делать трем неопытным юношам? Если бы он оставался с ними, он бы что-нибудь придумал, уж как-нибудь вызволил бы своих товарищей из плена, ведь он происходил из касты воинов (на это указывало его второе имя). Его отличали редкостное мужество, решительность и талант находить выход из самых, казалось бы, безнадежных ситуаций. К тому же Браговат Асора прекрасно владел мечом и умел метко стрелять из лука. Он один разделался бы с десятком белобрысых. Разделался бы, если бы оставался с ними. Но он покинул своих товарищей еще в низине. Он умер от ужасной болезни, которую подхватил на болотах среднего Хинда. Он оставил их, не пройдя с товарищами и четверти пути. Кем возродится Браговат Асора к новой жизни? Даст Господь, и его душа взойдет на ступень выше по лестнице совершенствований.

Браговат Асора скончался, оставив карту, и напутствие: «Идите и ничего не бойтесь. Будет непогода – переждите в пещере (там их много в горах). Попадете в руки разбойникам – отдайте серебро и золото, главное – сохраните книги. Собьетесь с пути – смотрите в карту».

Браговат Асора дал много полезных советов, и трое неопытных юношей послушались его. Они последовали дальше по намеченному пути, хотя могли повернуть назад. Они поднялись в горы, и за два с половиной йоджана¹² до перевала были схвачены дозором неведомого племени и доставлены в их лагерь, расположенный в узком месте между Крышей Мира и Драконьими горами (так указывала карта).

Это был именно лагерь, а не селение. Склон горы там занимали лачуги, но большинство людей жило в шалашах и палатках. На зеленых лугах в пойме речки паслись козы, попадались куры и утки, даже огороды были устроены на богаре. Но чувствовалось, что люди здесь недавно. Все, что они успели поставить и обустроить, было сделано на скорую руку. Однако, чувствовалось и другое: откуда бы ни пришло сюда это племя, оно решило закрепиться здесь надолго – вокруг лагеря спешно возводились стены.

Эти люди не знали языка вед, и лишь немногие из них кое-как изъяснялись на дари. Они не были особенно злыми, и не были добрыми. Их отличала холодность. Они были равнодушны к нуждам тех, кто их слабее. А равнодушные, как учат «Три корзины», самые опасные из всех людей. От таких надо держаться подальше.

Первые три дня было жарко. На четвертый внезапно набежали тучи, как это часто случается в горах, и небо пролилось слезами. А вечером пятого дня слезами пролился Свами Шарма Триведи, прячась под днищем повозки от снега. Прежде он только читал, что есть на свете места, где выпадает снег – белые хлопья наподобие пуха, которые сыплются с неба. Теперь он в этом убедился воочию.

Пленников вначале держали вместе, привязанными к стволу одного дерева. И это было не так уж плохо – товарищи по несчастью, по крайней мере, могли общаться. А потом с запада пришел большой отряд белобрысых и старший над ним – седой, но еще в силе старик – захотел узнать, кто они и откуда. За всех ответил Рамчандра Чукла. Он был самым бойким из троих и находчивым на слово. Рамчандра сказал: «Мы родом из Хинда и проживаем в городе Ченнаи. Мы направлялись в земли Согда, а оттуда к Драконьей гряде, чтобы, перевалив через нее, попасть в Поднебесную». Седой старик засмеялся и, сказав что-то на своем непонятном наречии, прочертил пальцем в воздухе дугу. Другой чужестранец, тоже в годах, знающий немного дари, объяснил:

– Отменный крюк. Вы собрались обойти все известные страны, – и поинтересовался. – Стало быть, вы купцы?

– Мы проповедники, – ответил Рамчандра.

Мужчина не знал этого слова и потребовал разъяснений. Рамчандра растолковал, как мог, что значит проповедовать.

– Зачем нести свет истины, и кому он нужен? Все равно не понимаю.

Седовласый старец оборвал переводчика и пророкотал что-то невразумительное.

– Кем бы вы ни были, – последовало разъяснение переводчика, – но, если вы ищите дорогу в Син, мы можем указать короткий путь.

Рамчандра выразил общую признательность:

– Это было бы весьма любезно с вашей стороны.

– Никакой любезности. Речь о золоте. Найдется ли у вас достаточно золота, чтобы купить проводника? Мы предоставим самого толкового.

Рамчандра рассказал о том, что в Ченнаи самая большая община просветленных во всем Хинде, что там самый большой храм приверженцев срединного пути, и о том, что есть среди общинников много богатых и знатных людей, которые не пожалеют денег, чтобы узнать дорогу в Поднебесную. Он сказал, что, если ему дадут резвого коня, он обернется всего за одну луну.

---

¹² Йоджан – один дневной переход пешего путника.

Лошадь Рамчандре дали и отпустили, а двух его товарищей оставили заложниками. Вериндара Кумара забрал старик, а Свами – переводчик.

С того дня Свами стали использовать на работах. Делать что-либо руками он не умел, поэтому его заставили таскать с гор камни и подавать на леса рабочим.

Никогда прежде до этого дня Свами не утруждал себя физически. Вся работа, какая ни наесть, в доме отца выполнялась слугами, а усилия Свами направлялись только на то, чтобы изучать веды и упанишаду и на духовную гимнастику.

В первый же день Свами до мяса истер ладони. К вечеру тело ломило так, что больно было пошевелиться. Оживила бы хорошая гороховая похлебка с бараниной и перцем, но на ужин дали толочняную болтушку, и это было первое, что он увидел за последние три дня. В довершении всех огорчений, ночью снова выпал снег. Укрыться было нечем, и Свами продрог до костей. Так что ночь не пошла на пользу, и утро следующего дня он встретил совершенно разбитым.

К тому же с утра обнаружилось, что раны на руках начали гноиться. Работать такими руками было невозможно. Но так думал только Свами. Беловолосые только посмеялись над его жалобами и погнали на работу.

Чтобы не беспокоить раны, Свами наловчился поднимать камни без помощи ладоней. Он брал их, подцепив локтями, и прижимал к груди. Однако нести ношу таким манером было куда сложнее, камни часто выпадали из рук. За одну ходку Свами уставал так, как за три прежде. Чтобы хоть как-то восстанавливать силы, Свами стал проделывать обратный путь без спешки. По сути, он брел от стены, еле переставляя ноги. Да только эта хитрость не укрылась от чужих глаз. «Эй, парень, – крикнул ему на дари каменщик со стены, – так не пойдет! К вечеру я должен поднять кладку на четыре пада¹³. Как же я успею, если ты отлыниваешь?» Свами показал свои израненные руки, и каменщик, сжалившись, кинул ему свои рукавицы. «Только начни работать».

В полдень во время перерыва Свами подсел к сердобольному каменщику и спросил:

– Вы ведь не принадлежите к этому народу? Вы дари?

Вопрос был глупый, не требующий ответа. Каменщик, как большинство рабочих на стене, был черноволос, кареглаз, имел мясистый нос и смуглую кожу. Тогда как стражи все до единого были белобрысы или рыжеволосы, глаза имели синие или зеленые, носы высокие костистые, часто с горбинкой, и были настолько белокожи, что казались призраками. Каменщик и его товарищи в большинстве своем обладали средним ростом, а беловолосые выглядели точно великаны и стояли на таких длинных ногах, что можно было подумать, к ним прикреплены ходули. По части одежды также наблюдалось полное отличие. Первые ходили в кожаных штанах, как это заведено у наездников дари, а на плечах носили полотняные рубахи, обувались в сапоги или кожаные колоши. Вторые же одевались в козьи шкуры, на голове носили шапки из тех же шкур (женщины еще зачем-то цепляли к ним рога), ноги обматывали опять же шкурами, а подметками их обуви служили несколько слоев воловьей кожи.

– Здесь прежде стояла наша деревня, – сказал каменщик и указал на каменные хижинки. – Мы племени белых баранов, в прежние времена пасли свой стада на горных пастбищах возле Анахиты. Жили сами по себе, никого не трогали. Но когда согдийцы пожелали сделать нас своими данниками, мы поднялись выше в горы и пробрались с севера на юг, в эти самые места. Это случилось, когда я был еще мальчишкой. Земли здесь, как видишь, скудные, мало чем привлекательные, поэтому нас никто не трогал. Не трогал, пока не появились эти белобрысы.

– Откуда они? – поинтересовался Свами.

– Я не знаю. Свалились, как снег на голову и захватили нас.

– А много их?

---

¹³ Пад – ширина ладони.

Каменщик пожал плечами. Поковырялся в носу, извлек козявку, глянул на нее и сказал со скучающим видом:

– Не знаю. Сюда постоянно приходит кто-то из них. Сотня человек, иногда больше, иногда меньше. И снова уходят. Должно быть их много, а может быть, и нет. Но они отчаянный народ, и все головорезы.

– Это видно, – согласился Свами.

– Они себя называют серы, что по-ихнему означает «человек». Понимаешь, они вроде бы, как люди, а другие по-ихнему – зверье. И еще у них нет бога, – сообщил каменщик. – Вместо него они чтят своих героев. Но самое необычное это то, что они пользуют своих баб сообща.

– Это как?

– А так. На одну женщину у них приходится по несколько мужей, и женщины этим сильно гордятся.

Свами посмотрел на каменщика с недоверием. Тот снова принялся ковырять в носу и спросил:

– Скажи, зачем их бабы носят на голове рога?

Свами не знал.

– Рога указывают на количество мужей, – каменщик выковырял новую козявку и принялся разглядывать ее с тем же вниманием, что первую. – И чем рогов больше, тем женщине больше почета.

Свами не знал, как отнестись к услышанному. Даже смутился.

– Быть может, это от того, что у них мало женщин?

Каменщик опять пожал плечами.

– Может быть поэтому, а может быть просто от того, что эти люди дикие и не умеют отличить доброе от злого, – каменщик досадливо отмахнулся и встал на ноги. – Ну ладно, довольно болтать, пора приниматься за дело.

Этого Свами хотел меньше всего. Он готов был болтать о чем угодно и с кем угодно, только бы сидеть и ничего не делать.

– А куда торопиться? – спросил он с невинным видом. – Никто ведь не гонит.

– Когда мы закончим стену, – разъяснил каменщик, – белобрысы примут нас, как своих. Мы сможем остаться в крепости, а если захотим, вступить в их войско. Так нам было обещано.

– И вы поверили?

– Поверили или нет, какая разница? Закончим стену, а там будет видно. Так что, давай, поднимайся и живей носи камни.

Пришлось возвращаться к работе.

Так прошел месяц. Стена выросла на дханус¹⁴ и достигла в высоту одной гаруты¹⁵. А Рамчандра, который обещал обернуться за одну луну, как в воду канул.

Не вернулся он и через неделю, и к концу другой. «Он никогда не вернется, – заявил старейшина, явившись к Свами. – Он обманщик. Он нарушил клятву и должен быть наказан. А так как он далеко отсюда, за обман ответишь ты. С этого дня, носастый, твой паек станет вдвое меньше. И мы забираем у тебя одежду».

К тому времени ночи сделались морозными, и что ни день валил снег. Оставшись в одном льняном хитоне красно-желтого цвета, какие носят приверженцы срединного пути, и на голодном пайке, Свами неминуемо должен был погибнуть.

Прошло еще две недели. За этот срок Свами сильно исхудал. Руки и ноги у него покрылись язвами, а в груди поселился кашель.

---

¹⁴ Дханус – рост среднего человека по плечи.

¹⁵ Гарута – высота здания в два этажа.

Если вначале Свами еще надеялся на возвращение Рамчандры, то к концу второго месяца пришел к убеждению, что рассчитывать на избавление, по меньшей мере, глупо. Рамчандра не соврал, когда сказал, что в Ченнаи много богачей, и что многие из них приверженцы срединного пути. Правдой было и то, что первейшая задача всех просветленных и самое их горячее желание – это отыскать дорогу в Поднебесную. Никто из тех, кто избрал срединный путь, не покусится, когда речь пойдет о такой желанной цели. «Но богачи – просветленные или нет – все одного сорта, – вынужден был признаться сам себе Свами, размышляя о своей участи. Ночь тогда выдалась особенно морозной, а болтушки налили меньше обычного. – Всех богачей отличает рассудительность, иначе они не сумели бы обрести богатство. А какой рассудительный человек поверит обещаниям дикарей, народа, как известно, вероломного и не знающего чести? Я бы на их месте не поверил. Так что не добудет Рамчандра золото. А без золота зачем ему возвращаться. И по сему выходит, что пропаду я здесь зазря, не успев сделать ничего достойного». Сказал так себе Свами Шарма и заплакал.

Вспомнились домашние пироги, булочки, которые готовила мать. Какими они были вкусными: пышные, румяные, присыпанные пудрой, а в середочке начинка из кураги и лимонов. Мама за раз выпекала три противня, и каждый мог брать себе, сколько влезет.

В начале третьего месяца в лагерь с запада пришел большой отряд: двадцать всадников и триста человек пеших воинов. Они доставили обоз из сотни повозок и пригнали большую толпу пленных.

Возглавлял отряд высокий сухопарый мужчина с длинными до плеч белыми волосами, высоким, горбатым носом и большими глазами зеленого цвета. При нем находилась маленькая девочка, такая же белобрысая, горбоносая и глазастая. Впрочем, не такая уж маленькая, просто тощая и нескладная, как все переростки.

В лагере заговорили, что этот отряд вернулся из Бактрианы, и будто бы беловолосыми захвачена Арахозия.

– Видишь, – сказал Свами сердобольный каменщик, – у пленных коричневые одежды и накидки из козьей шерсти. Так одеваются одни бактрийцы. И бороды стригут, и волосы красят хной только они. Посмотри, какие у всех крашенные гривы. И не стыдно же ведь.

– А верно, что Арахозию? – спросил, не поверив, Свами. – Я-то слышал, что крепость этого города непреступна.

– Про крепость я ничего не знаю, – ответил каменщик. – Но ты посмотри, столько они награбили добра!

С повозок сгружалась всякая утварь, короба, сундуки и мешки каждый, по меньшей мере, по полтора киккара¹⁶.

– Одного хлеба всем нам с избытком хватит на год вперед. Такого в деревне не держат. По всему видно, что разграблен не малый город. А ближайший из таких – Арахозия, – каменщик с живым участием следил за разгрузкой добычи и от полноты чувств крикнул. – Эх, похоже, что их шад удачливый налетчик и умелый командир. А посему, как закончим стену, разумным будет поступить в их войско. А ты что скажешь?

– А кто это «Шад»?

Каменщик указал на высокого мужчину.

– Это имя?

– Не знаю. Да только шад у них второй после вождя. Здесь он главный. У него есть сын и дочь. Вон та, на журавлиных ножках, как раз она, – каменщик показал на белобрысую девчонку. – Шад ее любит больше, чем сына и всегда держит при себе. Ничего девчонка, да?

Свами пожал плечами.

– Эх, был бы я моложе, да хотя бы в твоих годах, поверь мне, заполучил бы эту птаху.

¹⁶ Киккар – груз, который может вынести на себе взрослый мужчина, примерно 42,5 кг.

– Зачем это вам? – удивился Свами.

– Затем, чтобы жениться, – ответил каменщик, не отрывая глаз от белобрысой девочки. – У серов закон такой: они не разбираются, кто ты, каменщик, скажем, или знатный господин. Будь ты хоть самый несчастный горемыка, но, если приглянулся их девице, никто препятствовать не станет – поженят и звания не спросят.

– Но ведь она еще мала. И некрасива.

– Где же мала? Вон, какая дылда. И зацвела, небось, – каменщик перестал глазеть на девочку и принялся ковырять в носу. – Я такое сразу вижу. А то, что некрасива и белобрыса, так это легко исправить. Взять у бактрийцев хны – у них этого добра навалом – и покрасить. Главное, что она дочь шادا. К тому же любимая. Ты что, в таких делах не смыслишь? – каменщик закончил с носом и уставился на Свами. – Ты девственник, что ли?

Свами покраснел.

– Ты не пробовал между ног у женщин?

От непристойных вопросов у Свами загорелись уши.

– Можешь не отвечать. И без слов видно, что не пробовал, – каменщик глумливо ухмыльнулся. – А если бы попробовал хоть раз, знал бы, что, все женщины – красивые или нет – сделаны одним манером: между ног у них одна и та же дырка.

«Какой же он болтун, – подумал Свами, – и бесстыдник».

В сумерках, когда Свами только закончил ужинать, к нему появился шад.

Свами заметил его еще тогда, когда он вышел из каменной лачуги – самой большой в лагере. Вышел в низкую дверь, согнувшись в три погибели, огляделся и направился к окраине, туда, где содержались отхожие места, и где Свами на ночь привязывали к сломанной повозке. И за ним последовала девчонка.

«Куда это они? – удивился Свами. – Неужто эти двое и в нужнике не расстаются?» Но они прошли мимо отхожих мест и пошли дальше, покуда не добрались до повозки, к которой был привязан Свами.

– Смотри, он напоминает мертвеца, – пролопотал белобрысый, указав на пленника. – Замучили без нас парнишку.

Вблизи белобрысый великан выглядел еще безобразней, чем издали. Его белые, с рыжиной, брови были сведены у переносицы, и лоб перерезала глубокая, поперечная морщина. Белые, загнутые кверху ресницы придавали его водянисто-зеленым глазам телячье выражение. Но взгляд их был холоден и строг. Рот рассекал свежий шрам, так что виднелись черные зубы, и казалось, что он беспрестанно скалится.

– На тебе красные лохмотья. Ты из красных колдунов?

Шад говорил на ужасном дари, и Свами не был уверен, правильно ли он понимает его речь.

– Ты часом не глухой?

Свами мотнул головой.

– Может быть немой?

– Мы не колдуны, – ответил Свами.

– Тогда кто же?

– Мы монахи. Мы не знаем заговоров и заклинаний. У нас для всего припасена молитва. И еще медитация.

– Что? Я его не понимаю, – пожаловался шад на серском девочке.

Девочка перевела. Она обладала звонким голосом, и, как все люди ее племени, совсем не использовала твердых согласных, а гласные произносила звучно и напевно, так что казалось, что она не говорит, а воркует.

– Хош-хош, – отозвался шад, выслушав девочку. – В Арахозии, откуда мы вернулись, я видел дом вашего бога, – сообщил он Свами. – В тех краях у вас много приверженцев. Однако, говорят, в северных землях их еще больше. Так ли это?

«Вся суровость в нем от привычки повелевать. Он не так страшен, как хочет казаться».

– Мы проповедуем истинность срединного пути, и многие следуют за нами. На севере просветленных больше, чем на юге.

Девочка повторила слова Свами на серском языке.

– А, правда ли, что ваши колдуны могут держать огонь и не получают при этом ожогов?

– Это так, – подтвердил Свами. – Некоторые из тех, кто достиг должного уровня в медитации, способны творить чудеса.

– Проверим, – шад окликнул часового и повелел принести жаровню.

«Что он задумал?»

Самые худшие опасения оправдались, когда перед Свами возник мангал с углями. Шад выбрал самый крупный, окутанный алыми языками пламени. Захватил его щипцами и, как ни в чем ни бывало, бросил Свами.

– Лови, – сказал он при этом.

И Свами поймал.

Несколько мгновений уголек полыхал в его ладонях. Несколько мгновений, потребовавшихся на то, чтобы донести уголек и положить обратно в чертову жаровню.

Было темно, и шад не увидел волдырей, выступивших на ладонях у Свами. А у того хватило выдержки, чтобы не завывать от боли. Он застонал только тогда, когда шад ушел и увел с собой девочку. «Хош-хош, – проговорил шад напоследок, довольный результатом. – Ты не так уж плох, колдун. Мои люди заберут тебя. Завтра утром они выступают на север».

Шад и девочка ушли, а Свами рухнул на колени, приложился обожженными ладонями к мерзлой земле и завыл. Выл долго, пока не наступила ночь, и черное небо не осветилась звездами. Когда сил не осталось, не осталось чувств, Свами замолчал. Он вскинул голову к небу, и мириады звезд глянули на него из черной бездны. «Грустно, тоскливо, безрадостно, – прошептали звезды из неведомых глубин, – тяжело жить в подлунном мире. Но так устроен мир. Терпи».

глава V

Коро Чубин

Когда пал первый дракон, а двое других устремились в погоню за волками, на опустевшее поле битвы вернулся один человек, который издали наблюдал за звериной схваткой. Вернулся, и обнаружил на месте бывшего сада выжженную пустыню. Увидев, во что драконий огонь превратил прежде цветущую обитель, человек вознегодовал. Он запрыгнул на тело остывающего дракона и вознамерился добить его. Но вблизи ему дано было узреть, что не ящер под ним, но ящерица. Тогда он забыл о первом желании и возжелал второго. Приспустил штаны и оросил ее лоно семенем. Это должно показаться невероятным, но умирающее чудовище зачало и через положенный срок понесло. Тех, кто пошел от ящерицы, стали называть омеретянами, что на древнем языке означает «потомство дракона». Омеретяне заселили оставленную всеми долину, и страна их получила название Терзерум – «Земля обета», по той причине, что мужи омеретян поклялись изливаться семенем только в чреве дочерей от дракона.

Гэсер Татори. История от начала времен.

Как сказал царь Ануширван, так и поступил – отошел от дел на неопределенный срок. Присутствовал временами на заседаниях дивана, подписывал указы, составленные первым советником Оманом, назначал командующих войсками, по подсказке дяди, а все остальное время проводил в библиотеке.

Прежде, когда жив еще был его отец, Ануширвану лишь изредка позволялось оставлять дворец. Зато теперь, обрета свободу и независимое положение, он сделал вылазки в город обыденностью.

Вместе с наперсником Коро Чубином, сопровождаемый десятком всадников дворцовой стражи, Ануширван каждый божий день совершал многочасовые прогулки по столице, во время которых, как он сам выражался, знакомился с жизнью подданных.

Поданные, надо сказать, не особенно стремились к знакомству. Заслушав стук копыт, они оставляли улицы и прятались за стенами своих жилищ. «Народ боится своего царя и не доверяет власти, – пришел к заключению Ануширван. – Во всяком всаднике в доспехах им видится угроза».

Тогда царь Ануширван свел вылазки в город к посещениям книжных лавок.

Чаще других лавок он посещал духан старого омеретянина Мардуха. Это было самое жалкое место, которое когда-либо встречалось Коро Чубину. Камышовая лачуга, обмазанная глиной, с покатою крышей и с дверью такой узкой и низкой, что в нее надо было протискиваться бочком и согнувшись вдвое. Но в сундуках у книжника Мардуха хранилось много старых свитков – полуистлевших пергаментов, покрытых древними, непонятными письменами, и глиняных дощечек.

Коро Чубин получил хорошее образование – он обучался у тех же наставников, что и его господин. Но он не разделял увлеченность Ануширвана книгами. Ему больше по душе были состязания в удалстве, скачки и охота. «Что особенного в этих истлевших овечьих кожах и кирпичиках, кроме пыли, которую вы глотаете? – спрашивал Коро Чубин всякий раз, как Ануширван склонялся над книгой. – Так и заболеть не долго, и зрения лишиться, разбирая каракули». – «Эти книги написаны на древнем языке, – отвечал Ануширван. – Омеретяне-книжники его хранители. Тот, кто хочет познать всю мудрость древнего мира, должен прежде выучить древний язык». – «Мало вам что ли мудрости в наших книгах, – не отступал Коро Чубин. – Сидели бы лучше в дворцовой библиотеке. У нас хотя бы чисто. Да и книги

написаны понятными письменами на белой мараканской бумаге». В ответ Ануширван только усмехался, как он это делал всякий раз, когда ему не хотелось спорить.

Но не одни книги влекли Ануширвана в духан Мардуха. Была у старого плута девица, которая приходилась ему племянницей. Царь при виде ее всегда бледнел и терял спокойствие духа. Хватался за первый попавшийся свиток или кирпич и склонялся над ним.

А старик и рад был стараться. «Ракел, девочка моя, – подзывал он племянницу, – окажи господину внимание. У нас нет тех прекрасных вин, которыми потчуют во дворце шихин-шаха, но из твоих рук и уксус сладок».

А девица, надо признать, была не дурна собой. На вкус Коро Чубина чернява через чур. Но зато стройна и миловидна, а главное глазаста. Глаза у нее были огромные, с длинными пушистыми ресницами. Опахнет тебя ими, и словно ветром прохладным обдаст. Глянет, и будто зальет тебя лунным сиянием. А глянешь сам в ее глазища, и сделается невыносимо грустно. Сердце наполнится жалостью к самому себе, потому что со всей ясностью откроется, что с этой минуты ты человек пропащий.

Нет, не тем местом был духан Мардуха, которое следовало посещать. Грязь, мрак, затхлый воздух, кислое вино, а хуже всего – девчонка.

«Куда это зачастил шахин-шах, – вопрошал советник Оман, когда Коро Чубин после прогулки с Ануширваном возвращался во дворец. – Наш государь сам не свой. Не заболел ли он?» Коро Чубин отвечал молчанием. «Сейчас на дворе весна, – не отставал советник. – В эту пору бывает ветрено. Государю следует беречься». Коро Чубин не мог отмахнуться от назойливого сановника, тем более не мог отослать его к чертям. Человеку низкого происхождения предписывается проявлять учтивость. Но Коро Чубин, как командующий дворцовой стражей, обладал правом хранить молчание.

В следующий раз советник Оман высказался напрямик: «Меня беспокоят отлучки государя. И мне не по душе место, которое он избрал для посещений. Это может плохо кончиться для всех нас». Коро Чубин упрямо пользовался предоставленным командующему правом.

Отлучки продолжались, и однажды книжник Мардух пожаловался царю:

– Господин, мне нынче нездоровится. От пыли я чихаю. Так что мне лучше побыть на воздухе, а тебе прислужит Ракел. Она умница, она знает нашу грамоту и освоила «Зогар» и «Ветхую книгу». Ракел разъяснит все, о чем не спросишь.

Старик с кувшином вина вышел из лавки и поманил за собой Коро Чубина.

– Пойдем, удалец, – сказал он при этом. – Постигающим древнюю истину необходимо уединение. А доблестному воину не зачем пыль глотать. Лучше отведай моего вина.

Вино старика было наилучшего сорта. А болтовня, коей он взялся потчевать заодно с вином, и того хуже.

– Моя Ракел умница, она даровита, и знает, что надо делать. Мою девочку наставлял наш князь – Иона Ашер. Он сказал, что достоинства, которыми наделил ее отец небесный, стоят учености и осведомленности сотни мудрецов. Он сказал, что красота Ракел и ее премудрость однажды спасут народ Терзерума. Когда зришь Ракел, признался Иона Ашер, теряешь стойкость, а услада слов, слетающих с ее уст, разжижает разум. Иона Ашер знает, что говорит, он не обманет.

Старик замолчал и, сделавшись печальным, прислушался к тому, что творилось в лавке. «В Ветхой книге написано о давних временах, – лепетала девица Ракел голосом тихим и вкрадчивым, как шелест листы. – В ней господин найдет все о трех драконах и о нашей прародительнице Мерит. Кроме того в Ветхой книге изложена история трех наших царств и то, как восстал славный Моня против поработителей руминов, и как цезарь Комин изгнал наш народ с Земли Обета. Ветхая книга, словно сказка – забавна, увлекательна, правдива. Но истинная мудрость заключена в „Зогаре“. Эту книгу написал Дан Звулун после трех своих путешествий: одного на запад, до самого края, в страну Гренезис; второго на север, выше массагетских

пастбищ, в лесную страну россоманов, где нет дорог, но множество рек заменяет их; третьего на восток в страну Син».

«Вот заливает, – подумал Коро Чубин, раздраженный женской болтовней. – В страну Син путешествовал ее Дан Звулун. Нет такой страны!»

А девица между тем продолжала:

– Люди Гренезиса и россоманы невежественны, жители Сина – просвещены. Дан Звулун посетил эти страны, чтобы измерить просторы суши и начертать священный треугольник, посадив по углам трех драконов, и по их подсказке определить местонахождение Шамбалы – небесного креста – места, где от людей укрылись мудрые, те, что из века в век наблюдают за ходом событий и направляют их в удобное Господу русло. «Зогар» написан языком чисел, и эту книгу трудно читать, еще сложнее понять. Но тот, кто постигнет ее тайну, получит ключ к управлению миром и власть над вселенной.

Коро Чубин отошел от духанщика и заглянул в приоткрытую дверь, чтобы увидеть, что происходит в лавке. Царь Ануширван, устроившись в углу грязной и мрачной комнатухи, с замороженным видом внимал лепету лживой девицы. «Видно, прав неведомый Иона, – подумалось Коро Чубину, – слова девчонки, и вправду, разжижают разум». В эту минуту Ракек приблизилась к двери и самым нахальным образом захлопнула ее перед носом у Коро Чубина.

– Оставь их, удалец, – посоветовал духанщик. – Лучше испей вина. В кувшине наберется еще на полную чашу.

Пить Коро Чубину не хотелось. Он испытал непреодолимое желание плеснуть из протянутой чаши в лицо старому своднику.

– Э-эх, – протянул пакостный старикашка, осушив отвергнутую Коро Чубином чашу, – горька моя чаша.

«Кисла, – поправил Коро Чубин, – так же, как твоя скукоженная рожа».

– И печальна моя жизнь, – продолжал книжник. – Чем только ни приходится жертвовать во имя благой цели и общего дела.

В тот день царь Ануширван засиделся в духане дольше обычного. Во дворец возвращались потемну, и всю дорогу царь глупо улыбался.

А еще через некоторое время девица Ракек поселилась в покоях шаха, а старый книжник в библиотеке.

Царь Ануширван был еще в том нежном возрасте, когда законом предписывается строго блюсти чистоту. Не то что царю, но даже простому смертному, если только он следует заветам пророка, не позволительно прикасаться к женщине до того, как заключен брак. Блюсти чистоту следует с тем, чтобы дать на плод здоровое семя. Только, когда мужчина разживется потомством, ему дозволяется обзаводиться наложницами и использовать их для утех. Но всем известно, что слаб человек, и с этим ничего не поделаешь.

Ануширван, как ни прискорбно, позволил себе крайнюю слабость. Наперед жены обзавелся наложницей, и еще какой! Ладно бы взял себе женщину из дари, это против правил, но простительно. Можно было бы закрыть глаза и на то, что наложница царя из массагеток или даже из румийских жен. Но Ануширван дерзнул уложить на ложе омеретянку! Всем известно, что выходцы из этого племени наихудшая порода людей. Они лживы, пакостливы, трусливы, а их религия есть не что иное, как поклонение демонам. И трудно было бы отыскать кого-то хуже омеретянина, если бы не было омеретянских женщин. Эти превосходят своих мужчин во всех грехах и представляют собой воплощение порока. Они зачастую соблазнительны и умеют разжечь в мужчинах похоть. Но, если раздеть их донага, то между ног у них вместо чрева обнаружится зловонный нужник, в который по всем понятиям надобно не семя изливать, а испражняться. Плодом из этого нужника выходят чудовища! А потому спать с омеретянкой все равно, что спать с собакой, даже хуже.

Появление девицы Ракед во дворце вызвало переполох. Главы Пяти Семейств отозвали своих отроков из шахской свиты и тем самым выразили царю осуждение. Советники дивана, собравшись на тайном совещании, единогласно постановили: подлая омеретянка заслуживает смерти, и царю царей следует наказать ее. Верховный маг, как обычно прочитал притчу из Аведы. Он поведал историю из жизни пророка. Когда Зеро Аштра еще жил в Хозре и был торговцем скобяным товаром, вздумалось ему сделать свою жизнь приятней, и с тем он расширил жилище свое пределом и поселил в нем женщину из Массагето. Та табунщица, пожив у Зеро Аштра год, захворала и вскоре померла. После этого Зеро Аштра купил себе искусную в любви румийку. Но и эта протянула не больше года. Тогда Зеро Аштра нашел себе услуду у бактрийцев – дочь самого богатого купца в Мазаре. Как и первые две, последняя послужила своему господину только лето и отошла в мир иной. После этого Зеро Аштра обратился к Господу. «За что ты меня наказываешь? – взмолился он. – Ты забрал у меня всех наложниц и оставил без средств. Как мне теперь быть?» В ответ разверзлась твердь неба, и раздался глас небесный: «Женщина нужна человеку для продления рода, а радость, которую она дарит – это приманка, чтобы человек не забывал трудиться. Возжелай не услуду чресл, а мать для своих детей, и ты получишь хозяйку в доме и радость на долгие года». Зеро Аштра спросил, где найти такую, и глас небесный направил его в Дариану. Зеро Аштра последовав велению, посетил Дариану, и там ему повстречался царь царей. Последний поговорив с Зеро Аштрой, узрел в нем божьего посланца и отдал за него одну из своих дочерей. С тех пор всякий верующий знает, как надобно поступать с женщинами, и что грешно, а что праведно.

Одним словом, как бы ни гневались сановники и вельможи, но выказать недовольство шаху напрямую, никто не смел. Их негодование изливалось на Коро Чубина. «Это твоя вина! – сыпал обвинениями Оман. – Ты больше других знал об омеретянке. Ты с самого начала, видел, как зреет грех, и ничего не сделал». Другие выражались резче: «Ты сам произошел от греховной страсти, и потому во всем потворствуешь греху. Ты не просто подлый сводник, ты изменник и заслуживаешь смерти!» Однако дальше оскорблений и угроз у них не шло. Не было у них права казнить Коро Чубина. Пусть тот и считался самой мелкой сошкой среди них, пусть он не заседал в диване, не командовал войсками, пусть под его началом имелось только тысяча мечей, но зато и повелитель над ним стоял всего один – сам царь царей. А потому все дожидались сардара Дариуша.

Оставив армию, сардар Дариуш примчался в столицу, сразу, как только прослышал об омеретянке. Он потребовал личной встречи с шахом и по праву старшего в семье высказал племяннику все, что было на сердце и устах у всех сановников.

– Я в недоумении! – воскликнул он, представ перед царем. – Неужто правда то, что дошло до моих ушей?

Ануширван выразил изумление:

– О чем вы, дядя?

– Как о чем? Я спрашиваю о том, о чем говорит весь двор, вся армия, вся держава! Царь царей давал мне слово, прилюдно! Он обещал взять в жены мою дочь. Царь не может отречься от своих обещаний.

– Я и не отрекаюсь.

– Но на твоём ложе шлюха! – взревел сардар Дариуш. – Это гнусно! Не думаешь ли ты, что я отдам за тебя свое чадо после того, как ты весь с головы до ног перепачкался в грязи?

Ануширван пожал плечами.

– Как угодно. Я не отрекаюсь, но и не настаиваю.

– Не настаиваешь? Наглец! – изо рта у Дариуша полетела пена. – Да как ты смеешь говорить такое мне? Я твой дядя! Я старший в нашем семействе! По сиротству я заменяю тебе отца, и ты должен питать ко мне любовь и выказывать всяческое уважение.

– Я люблю вас, дядя, – заверил Ануширван, – и уважаю, как вы того заслуживаете. Поверьте, меньше всего я хочу видеть вас в расстроенных чувствах.

– Ты расстроил не только меня, ты расстроил весь наш род, всю державу, всех, кто следует заветам пророка. И надо же какое он словцо приплел, – с кривой ухмылкой на устах обратился сардар Дариуш к присутствующим в зале, – *расстройство*... Я не расстроен, я разгневан!

– Дядя, может быть, для пользы дела нам следует уединиться?

Сардар Дариуш самым решительным образом отверг предложение племянника.

– Тебе, наверняка, так будет лучше. А по мне, пусть все слышат! – заявил он громко. – Ты покрыл позором всю нашу семью, и я хочу, чтобы все честные люди знали, что я к твоим выходкам не причастен. Ты взял себе скверную привычку пренебрегать законами, по коим жили все наши предки. Не смотря на то, что ты мой государь, я, как человек военный со всей прямоотой говорю тебе – это непозволительно! Взять в наложницы омеретянку – преступление и смертный грех!

– Вы хотите, чтобы я покаялся? – едва слышно произнес Ануширван.

– Я хочу, чтобы ты избавился от шлюхи! – потребовал сардар Дариуш.

– Это невозможно.

– Что?

Под гневным взглядом дяди Ануширван поник. Он уронил голову, уставился на загнутые носки своих бархатных сандалий и принял такой жалкий вид, словно не царь он был, а нашкодивший отрок. И все-таки он повторил:

– Невозможно. Я не в силах.

– Не в силах? – сардар Дариуш сплюнул на ковер. – Тогда я помогу тебе. Стража! – гаркнул он во весь голос, как привык подавать команды на поле брани. – Схватить шлюху, одеть в черное и на плаху!

Коро Чубин не шелохнулся. Сардар Дариуш не был над ним командиром, начальник стражи выполнял приказы одного царя.

– Вели своему холою исполнить мое повеление, – потребовал у племянника сардар Дариуш.

Все присутствующие в зале замерли: смотрели на царя и ждали, что он скажет. А царь, сидя на высоком месте, тер рукою позолоту трона, понуро глядел себе под ноги и молчал.

– Мой государь, пойми, – заговорил сардар Дариуш, сменив тон. – То, что ты совершил, не простое преступление. По сути, ты допустил измену – пригред на своей груди змею. Дело даже не в том, что между ног у нее помойка. Спроси у любого мага, и он тебе скажет: омеретяне все до единого дети преисподней. У них на уме самые вредные замыслы. Они называют себя избранным народом и мечтают прибрать к рукам весь мир. Ведь, по их убеждению, мир им завещан богом. Они бессильны и трусливы, а потому идут к заветной цели тайным и подлым путем. Впусти такого в дом, и не заметишь, как он его захватит. Ты допустил к своему ложу дочь их племени, и не заметишь, как это племя, будто саранча однажды заполонят всю твою державу. Они будут править от имени царя, и народ дари делается прислужником их желаний. Ты должен избавиться от омеретянки.

Ануширван молчал.

– Пойми и другое, – продолжил сардар Дариуш. – Как мужчина я склонен проявить сочувствие к твоей прихоти – все мы грешны. Но как командующий армией, я не могу безучастно взирать на то, как ты предаешь державу в жертву своей порочной страсти. Если ты сам не избавишься от омеретянки, я вернусь сюда с армией и казню подлую шлюху своей властью. Но тогда пострадаешь и ты. В нашей семье найдутся принцы крови более тебя достойные короны. Подумай об этом. Ну, так как? – спросил сардар Дариуш, дав племяннику на размышление минуту.

Ануширван оторвал взгляд от загнутых носков сандалий и обратил его на Коро Чубина. И губы царя скривились в ухмылке. Он всегда ухмылялся или смеялся, когда не хотел или не находил сил спорить. Рука Ануширвана оторвалась от подлокотника трона и открытой ладонью прочертила в воздухе косую линию. На языке жестов, придуманном товарищами для ристалищных боев, это означало «руби».

Коро Чубин оставил свое место подле трона и направился в сторону сардара Дариуша. Его шаги, приглушенные ковром, были едва слышны, но в тишине, нависшей над залом, они раздались, как удары грома. Приблизившись к дяде царя, Коро Чубин схватился за рукоять меча и высвободил клинок из ножен.

– Ты чего? – удивился сардар Дариуш.

Это было последнее, что он успел сказать прежде, чем голова его оторвалась от плеч и покатила по полу.

Смерть сардара Дариуша ошеломила всех и повергла державу в ужас. Недовольные при- тихли, и ропот смолк. А про девицу Раке- л как будто бы забыли.

На место погибшего дяди Ануширван поставил командующего пехотой Бахшило Нора. Конница царя формировалась младшими сыновьями знати, а пехота – голодранцами, коими переполнена была столица. Бахшило Нор начал службу рядовым фалангером, и все, чему он был обязан в жизни, так это собственному старанию и еще везению, недаром же он носил имя «Счастливчик»¹⁷. А после назначения на новую должность он сделался обязанным еще и царю.

Вторым после сардара Дариуша оставил свое место советник Оман. Некоторое время диван обходился без своего главы, а после царь решил, что обойдется и без дивана. Высший совет при царе распустили, и он стал править самовластно. Правда пошли разговоры, что из-за спины шахин-шаха страной правит ни кто иной, как книжник Мардух, и многие верили этим словам. В подтверждение слухов Коро Чубин мог бы привести подслушанный разговор между царем и бывшим духанщиком.

Коро Чубин стоял на часах, а старый книжник, войдя в покои царя, неплотно прикрыл дверь за собой.

– Господин, никто не просил тебя убивать сардара Дариуша, – донился голос старика из царских покоев. – Мы даже не просились во дворец. Ты прекрасным образом мог бы встретиться с Раке- л в моем доме. Там мы, по крайней мере, были в безопасности. А теперь над моей девочкой нависла тень убитого сардара. Что с нами будет? Если ты не станешь слушаться моих советов, мы все погибнем! Тебе нужны друзья, верные друзья.

– Где же их взять? – вопрошал царь.

И старик отвечал ему:

– У Раке- л много братьев. Все они обучены грамоте и счету. Кто-то из них силен по тор- говой части, кто-то знает, откуда берутся деньги, а кто-то умеет распознавать друзей и врагов. Окружи себя ими, чтобы они стали твоим щитом. Дай им то, чего они хотят, и обрети в их лице самых преданных подданных. Если поступишь по моему совету, то проживешь сто лет, и дни твои будут наполнены радостями. А иначе готовься к скорой смерти.

Через некоторое время, как и предрекал покойный сардар Дариуш, дворец наполнился родичами девицы Раке- л, а позже омеретяне заполнили и всю державу. Торговля, какая ни на есть, перешла в их руки. Менялы из омеретян открыли на каждом рынке свои конторы. Царь отдал им на откуп чеканку монеты и сбор налогов. Всюду на таможах засели выходцы из этого пронырливого племени. Они богатели. Правда, и казна стала пополняться деньгами, чего давно уже не было.

Взамен старого дивана этими людьми был создан новый совет. И еще в дополнение к уже существующей страже возникла другая – тайная. Осведомители и соглядатаи наводнили всю

---

¹⁷ «Бахшило» в переводе с дари «счастливчик».

страну и слали в столицу со всех концов доносы. Стали бесследно пропадать прежние сановники и члены их семей. Многие вельможи тогда сочли за благо покинуть город и укрыться в своих имениях.

А в один из дней по доносу схватили бывшего советника Омана. Его обвинили в заговоре. Когда Коро Чубин взял его под стражу, тот взмолился:

– Кору Чубин взгляни на меня. Разве я похож на заговорщика? Ты же знаешь, что я всегда желал моему царю одного только блага. Я был ему преданным слугой. Напомни ему об этом. Или ты не веришь мне?

– Это не имеет значения, – ответил Кору Чубин. – Тебе Мардух не верит.

– Проклятый духанщик никому не верит. Но я клянусь, что не помышлял ни о чем дурном, ни против него, ни против его девчонки. Я и думать забыл о том, что когда-то был вельможей. Все, чего я желал, так только того, чтобы и обо мне забыли!

Кору Чубин никогда не испытывал к Оману добрых чувств. Но к словам его прислушался – такой у бывшего советника был несчастный вид. Куда такому строить козни? По всему видно, что он напуган и печется только о том, чтобы сберечь свою шкуру. Так он и доложил царю Ануширвану.

– Господин, к чему тебе еще одна жизнь, – сказал он, представ перед царем. – Оставь его. Я уверен, Оман не представляет для тебя угрозы.

При этом разговоре присутствовали Мардух и его племянница, и они тут же высказались против.

– Это ты так считаешь, удалец, – съязвил старик. – Но кое-кто думает иначе.

– Кто еще кроме тебя?

– Ноэль, – ответил книжник, – начальник тайной стражи. Он уверяет, что Оман наш самый злейший враг. Он подстрекал людей к измене, он хотел свергнуть царя и посадить на трон сына Дариуша – Сарга.

Кору Чубин насупился и посмотрел на книжника мрачным взглядом.

– Твой Ноэль больно прыткий и быстрый. Ему кругом мерещатся одни заговорщики. Послушать его, так всю страну надо загнать в темницы или на плаху.

– Ноэль молод, – согласился старик, – и, возможно, проявляет излишнюю горячность. Но его осведомленность не может вызывать сомнений.

– Его осведомленность ничего не стоит. Он окружил себя недоумками и лгунами. Господин, – обратился Кору Чубин к Ануширвану, – Омана следует освободить. Он не лучший из твоих подданных, но верно и то, что он не заговорщик.

В спор вмешалась девица Ракед.

– Ты прав, верный и храбрый сардар, – проговорила она льстиво и окутала Кору Чубина лунным сиянием своих расчудесных глаз. – Доносы часто бывают лживы, и им нельзя верить. Верно и то, что лучше простить десять виновных, чем казнить одного невинного. Но ты не знаешь Омана. Не знаешь, как знаю его я. Он подлый, гадкий человек. Во всех бедах он винит только меня и дядю. И я не раз видела, как он исподтишка наблюдал за мной. А однажды я поймала его за тем, как он подслушивал наш с дядей разговор. Он шпионил.

Кору Чубин фыркнул.

– Детский лепет.

Ануширван засмеялся, громче чем обычно. Видно, ему очень не хотелось спорить.

– И как мне быть? – спросил царь у собеседников. – Один мне советуют казнить, другой – помиловать. Чей совет разумней?

Кору Чубин понял, что несчастному Оману несдобровать.

– Поступи так же мудро, как Соломон, – предложила Ракед. – Сохрани преступнику голову, раз за нее так просит твой верный стражник, но отрешь уши. Впредь неповадно будет слушать чужие разговоры. Они у него такие огромные, что без них он только краше станет.

Уши Оману отрезали, и омеретяне, наколов их на пики, пронесли по городу, распевая песни и вознося хвалу доброму царю Ануширвану, мудрому советнику Мардуху и прекрасной заступнице РакеЛ.

После казни Омана оставили в темнице. Язвы на месте ушей загноились, голова разбухла, и он помер бы в заточении, если бы не Кору Чубин.

К бывшему советнику Оману Кору Чубин не испытывал симпатии, но к омеретянину и его племяннице он относился гораздо хуже. И поэтому он не мог допустить, чтобы осуществилось их желание. Если Мардух и зловредная девица желают смерти Омана, значит Кору Чубин должен спасти последнего. Кору Чубин так и поступил. Отпер темницу и выпустил бедолагу на волю. После чего выждал время, чтобы беглец смог найти надежное убежище, и с покаянным челом явился к своему повелителю.

В покоях царя вместе с ним как обычно находились старый книжник и девица РакеЛ. Но Кору Чубина это не смутило. Наоборот, в их присутствии признание в содеянном доставило Кору Чубину особенную радость.

Когда он с каменным лицом, глядя в глаза царю, сообщил о своем поступке, девица РакеЛ только ахнула, а старик схватился за седые космы и запричитал что-то невразумительное на языке омеретян, взывая к некоей Мерит и рабе Ашеру. Потом он подскочил к царю и зашипел ему в ухо:

– Это измена, шах. Ты слышишь – измена!

Царь сидел на высоком месте, на обитом бархатом топчане, обложившись тюфяками и подушками. У него был весьма удрученный вид. Он удивленно приподнял брови и открыл рот, словно собрался сказать о чем-то, но забыл о чем.

– Твой стражник предал тебя, – зашипел Мардух настойчивей.

Ануширван отмахнулся от старика и проговорил безжизненным голосом, обратившись к своему наперснику:

– Но почему?

Кору Чубин мог бы ответить: «Чтобы очистить совесть», но он сказал другое:

– Если я виновен, вели меня казнить.

– Он виновен, – визгнул старик. – Раз он выпустил узника на волю, то пусть займет его место в темнице. Да вели отрезать ему уши, а заодно и язык, и выколоть глаза! А еще лучше – отсечь голову, так будет надежней.

Ануширван страдальчески поморщился, лицо его сделалось серым, как туча.

– Ты видишь в нем товарища, а зря, – настаивал старик. – Я сказал, что он изменник, но я ошибся. Он хуже, чем изменник! Он покушался на то, что принадлежит тебе одному. РакеЛ, девочка моя, расскажи благодетелю всю правду.

Девица колыхнула ресницами и приняла смущенный вид.

– Твой стражник вел себя постыдно, – сообщил за девицу старик. – Он домогался моей племянницы.

Ануширван опять открыл рот, но опять ничего не сказал.

– РакеЛ, что же ты молчишь? – взревел старик. – Раскройся, не таись! Наш господин должен узнать правду.

Девица снова колыхнула ресницами, обреченно вздохнула и пролепетала:

– Сардар Кору Чубин пытался взять меня силой. Я едва отбилась тогда. Но мне страшно по сей день и стыдно вспоминать об этом. Твой стражник скрытный, подлый и опасный человек. Мне следовало раньше рассказать об этом.

Девица глянула на Кору Чубина и приняла скорбный и удрученный вид.

– Это правда? – едва слышно проговорил Ануширван.

Если бы Кору Чубин сказал, что ничего такого не было, то солгал бы. Кое-что все-таки было.

Царь как-то заперся в библиотеке, и девица, предоставленная самой себе, призвала к себе Коро Чубина. Когда тот явился, омеретянка окинула его каким-то странным взглядом и, зевнув, пожаловалась на скуку. Коро Чубин почувствовал неладное, и ему захотелось немедленно скрыться. Но он остался стоять на месте, так как никто его не отпускал. А омеретянка тем временем, вихляя бедрами, приблизилась к Коро Чубину и самым бесстыдным образом положила руку на срамное место. И повторила: «Скучно». Выходка была настолько неожиданной и ошеломляющей, что на Коро Чубина в буквальном смысле нашло оцепенение. А чертова девка, воспользовавшись этим, подтянулась к его лицу и с горячим придыхом прошептала: «Неужто ты меня не хочешь?» Коро Чубин не нашелся, что сказать, а девка и не ждала ответа. Она привстала на носки и как пиявка впиалась в его губы. Прежде чем Коро Чубин оттолкнул ее, он успел почувствовать вкус поцелуя и испытать вожделение.

– Я не домогался, – только и сказал в свое оправдание Коро Чубин.

– Этот человек обвиняет Раquel во лжи, – завопил в ухо царю старый книжник. – Он нечестивец, он изменник. Избавься от него, господин. Избавься!

Ануширван избавился. Голову не отсек, язык и уши не отрезал, не выколол глаза. Но выслал Коро Чубина из столицы. Направил в провинцию Мазандер, командовать пограничным отрядом.

глава VI

Марк

Место, где старая волчица разродилась потомством, называлось Скутария. И место это было диким. Сплошь голые скалы, где даже козам негде понастись. Когда сыны волчицы подросли, сели они на лодки и, переплыв узкое море, захватили земли народа русов или труссов. Но некоторые знающие люди утверждают, что тот народ именовался Етрус. Как бы там ни было, этот народ не смог силе и доблести сынов волчицы противопоставить собственную силу и доблесть, и в результате подпал под власть пришельцев. На высоком месте, на семи холмах победители заложили город и дали ему имя Рум. Там потомство волчицы стало быстро разрастаться, и город в короткий срок набрал значительную силу. Это очень не понравилось его южному соседу – государству Карф. В один из дней Карф объявил войну. Чтобы выжить етрусам и сынам волчицы пришлось сплотиться и стать единым народом. Они приняли вызов врага, переправились через внутреннее море и, высадившись на берегах Карфа, в жестокой схватке разбили армию врага. В руки руминам досталась цветущая страна с замечательными пастбищами, садами и виноградниками. Богатая добыча сделала завоевателей еще сильнее, и впоследствии они захватили все земли на том краю суши, а именно обширную страну неких иберов. Не тронутой осталась только страна Северных львов, которых румины называли фридцами. Но и без этого Рум сделался могущественной державой.

Гэсер Татори. История от начала времен.

– Прошло четыре боя, – сообщил Кай Друз, когда Марк Красс вошел в сенатскую ложу. – Ты многое потерял. Особенно хороша была схватка Зарина с каким-то новичком из карфских. Карфяне мастера владения сетью и трезубцем, и их юниор не осрамился. Но Зарин все равно устроил молокососу взбучку. Вне всяких сомнений, он сегодня лучший из бойцов, он просто рвет и мечет. Представляю, что будет дальше.

– А как Спитамен? – поинтересовался Марк, усаживаясь рядом с другом.

– Тоже хорош. Вышел в следующий круг, но выглядит, пожалуй, хуже Зарина.

– Так ты ставишь на скифа?

– Безусловно.

Покинув дом отца, Марк был переполнен гневом. Он «рвал и метал», как выразился бы его товарищ Друз. Очень хотелось ввязаться в драку. Он злился на отца и еще больше досадовал на самого себя. Что это за задача такая для молодого полного сил и решимости мужчины – добыть сто пятьдесят квинариев? Где и каким образом достать такую сумму, – этим были заняты его мысли всю дорогу до бойцовского зала. И когда он вошел в ложу и выслушал доклад товарища, его посетила внезапная идея.

– Есть вариант получше, – сообщил он другу, – можно поставить на меня.

Тот, кажется, его не понял.

– У тебя, как у завсегдатая, должен быть персональный лот?

– О чем ты?

– Выставь меня от своего имени, вот о чем.

Кай удивился:

– Зачем? Хочешь поразмяться? Или...

– С отцом я потерпел полное фиаско, – признался Марк.

Кай посмотрел на друга с сочувствием.

– Так я предупреждал, – напомнил Кай, – с Титом Крассом такое не проходит. Но ты не расстраивайся, —он попытался всем своим видом выразить сочувствие, – не принимай близко к сердцу. Отцы в большинстве своем все такие: щедро дают наставления и скупаются на деньги.

Марк нетерпеливо отмахнулся.

– Мои пот-кровь, твои деньги, – предложил он условия сделки. – Выигрыш делим пополам.

– Мне и четверти будет довольно, – проявил бескорыстие Кай. – Только выступать против Зарина не советую. Он в ударе. Ты пострадаешь, а я потеряю деньги.

– Так по рукам?

– Во славу богов и героев!

Компаньоны скрепили договор рукопожатием. И разошлись: Кай – оформлять лот, а Марк – готовиться к схватке.

В бойцовской, куда спустился Марк, чтобы снарядиться, молодого нобиля встретил сухопарый здоровяк с лицом цвета оливы.

– Марк Красс, – воскликнул здоровяк, проявляя неподдельную радость. – Собственной персоной!

У здоровяка от левой брови по верхнему веку и до уха багровым рубцом был прочерчен шрам, который придавал лицу необыкновенно зловещее выражение. Самым неприятным на этом лице был пугающе въедливый прищур увечного глаза.

– Чем порадуешь, дружище? – проговорил здоровяк, по-детски картавя слова, и широко развел руки. – По делу или просто так?

Марк шагнул ему навстречу и позволил заключить себя в объятия.

– По делу, по делу, – пробурчал Марк, прижатый к мускулистой груди приятеля. – Мне нужна экипировка.

– Зачем это? – здоровяк перестал обниматься и всем своим видом выразил удивление.

– Я выступаю сегодня.

– Во как? – шрам дернулся, и изуродованные левый глаз приоткрылись шире. – Решил подурачиться, или другая беда стряслась?

– Потребовались деньги.

Здоровяк аж причмокнул от удовольствия.

– Вот дела! Нет, конечно, свободные граждане среди нас давно не редкость, но чтобы бились нобили республики, такого на нашей арене не бывало! Марк – ты пионер, и это надо вспрыснуть.

Оливковый детина не упускал случая поиздеваться над свободными гражданами Этрасса, так как сам состоял рабом. Он был уроженцем юга. Его предки жили в пустыне, где пасли стада своих верблюдов. И сам он все детство, пока не угодил в неволю, занимался тем же. За десять лет жизни в метрополии он отучился от варварских причуд, стал сносно изъясняться на этрусском, если не считать того, что по старой памяти продолжал смягчать согласные, от чего речь его напоминала лепет, и еще сохранил скверную привычку держаться по-дикарски высокомерно. Прежде он был бойцом арены, а в последний год возвысился и сделался распорядителем турниров.

– Если тебя сегодня не уложат, – продолжил он начатую мысль, – я, так и быть, потрачусь на выпивку. Приглашаю в «Корабль пустыни».

Марк в знак согласия улыбнулся и качнул головой.

– Постараюсь уцелеть, чтобы нагреть тебя, как следует. И ты мне в этом можешь помочь, – Марк стер с лица улыбку и принял серьезный вид. – Скажи, Халим, стоит ли мне кого-то опасаться больше других? Кто сегодня бьется на арене?

Халим, а именно так звали оливкового верзилу, сделал пренебрежительный взмах рукой и скривил рот, от чего уродливое веко дернулось и полностью закрыло глаз.

– В основном сопляки. Дерутся не лучше твоего, и у тебя есть возможность дойти до полуфинала. А в финале, как ты понимаешь, будут биться Спитамен и Зарин. Публика этого желает, и хозяин рад ей угодить. Ожидаются высокие ставки.

– Ставки могут быть и выше, – заметил Марк. – И если ты мне поможешь, то один верблюжатник сегодня сумеет неплохо заработать.

Халим хмыкнул.

– Этрусс уважает деньги. А я в Этрбуссе прожил половину жизни, а посему наполовину ромлин. Так что соглашусь на половину куша.

Аппетит верблюжатника вызвал у Марка негодование.

– Имей совесть, Халим! Даю четверть, и только из дружеских чувств. Соглашайся.

– Если я буду совестливый, то ничего не выйдет, – заявил Халим. – Для проделок, на которые ты меня подбиваешь, нужны бессовестные люди. Но я соглашусь и помогу тебе, и только потому что ты мой друг. Иди, снаряжайся.

В оружейной Марк из всего разнообразия амуниции выбрал доспехи легионера: воловью варенку, защищающую грудь и спину, кольчугу, которую следовало одевать поверх варенки, бронзовые поножи и наплечники, а также кожаные птеруги на локти. Большому кавалерийскому мечу, называемому «спата» предпочел малый гладиус. А вместо тяжелого skutума¹⁸ взял легкий кавалерийский щит. На голову нацепил бронзовый шлем с гребнем из волос.

Трибуны встретили выход Марка дружным приветствием. Публика скандировала, схватившись за руки: «Марк Красс, Марк Красс!» и распевала гимн республики. Это выглядело удивительно и волнующе. Халим был прав – не каждый день на арене выступают нобили республики. И поэтому, когда на табло появилось выписанное мелом имя Марка, публику охватил восторг.

В первом бою против Марка вышел чернокожий юнец. Он был на голову выше противника, мускулистый, длинноногий. Все его вооружение составляло копье, а броню – леопардовая шкура. Он топтался на месте, широко расставив ноги, и угрожающе тряс копьем. Оно было длинной в два с половиной градуса¹⁹, имело удлиненный бронзовый наконечник со свинцовым набалдашником в основании, призванным утяжелить удар. Такое копье, брошенное умелой рукой, легко пробивает деревянный щит и кольчугу. Так что Марк сразу пошел на сближение.

В два прыжка он подскочил к противнику. Тот ткнул копьем, но Марк уклонился и сделал ложный выпад. Чернокожий был насторожен. Он отскочил и двумя руками выжидающе схватился за древко копья. «Мальчишка медлителен», – заметил Марк и решил воспользоваться этим. Он закружил в шаге от чернокожего, делая угрожающие выпады.

---

¹⁸ Скутум – большой щит легионера высотой в три локтя.

¹⁹ Градус – длина руки взрослого человека.

Длинное копьё с тяжелым набалдашником было плохо приспособлено для ближнего боя. Марк заставил чернокожего юнца топтаться на месте и не давал возможности вырваться из круга. Противник делал отчаянные наскоки, но под натиском Марка вынужден был снова возвращаться к обороне.

Такая пляска продолжалась, возможно, с четверть часа. На трибунах начали скучать, раздалась недовольные возгласы, когда Марк заметил, что движения противника сделались медлительнее. Марк стремительно ткнул мечом, целясь в чернокожего, прикрытую леопардовой шкурой. Тот отбил удар, перевел дыхание и перехватил копьё. В этот момент Марк нырнул под руку чернокожего, заступил за его спину и с короткого замаха подрезал ему на обеих ногах поджилки. Юнец, как подкошенный рухнул на колени, и Марк, немедля, приставил острие испачканного кровью клинка к его горлу. Достаточно было чиркнуть, чтобы из артерии вылилась вся его жизнь.

На трибунах раздался вой. Публика неистовствовала удовольствием. Поклонники Марка так громко выкрикивали его имя, что Марк не услышал удар в гонг, которым оливковый Халим ударом озвучил конец поединка.

В раздевалке примчавшийся с трибуны Кай восторженно возвестил:

– Боги всемогущие! Вы бы видели, что творится там, на трибунах. Марк, ты как молодой Аполлон покорил всех своим великолепием! – он восхищенным взглядом уставился на потную спину приятеля, который, сидя на скамье, переодевался после боя. – Когда ты нырнул под руку чернокожему, на трибунах сразу сделалось тихо. Все словно в рот воды набрали.

– Да, трюк был неожиданный, – согласился Халим, со зловещим прищуром глядя на то, как Кай пялится на Марка. – Ты даже меня застал врасплох.

– И как оглушительно после этой пронзительной тишины прозвучали крики и вопли на трибунах, когда ты из-за спины полоснул по ногам нубийца. Все вопили, а я просто задышался от восторга. И как эффектно ты приставил меч горлу черного бедняги! В этот момент я в буквальном смысле испытал физическое блаженство. Честное слово, будто в бабу кончил!

Халим, услышав последние слова Кая, перестал щуриться и скривил рот.

– Этот парень дробится на тебя, – сказал он Марку и бросил ему сухое полотенце. – Гони его вшаей.

– Кай держатель лота, – представил Марк компаньона и принялся растирать грудь и спину полотенцем. – Он принимает ставки на мою победу.

– Надо же! – лицо верблюжатника скривилось так, что уродливое веко полностью наползло на глаз. – Сейчас обосрётся от счастья.

Халим ничем не отличался от других, выражая презрение к Каю. Большинство друзей Марка были невысокого мнения о его компаньоне. И это понятно. Ведь Кай Друз Хорей мало в чем соответствовал мужским стандартам: он был слаб здоровьем, имел субтильное сложение, проявлял суетливость и нередко трусость. Многие держали его за тряпку и растяпу. Но Марк рассуждал так, что Кай в Ромле не единственный в своем роде. Таких как он сотни тысяч, но Кай в отличии от них знает свое место и не корчит из себя героя. К тому же, Кай никогда не проявляет скупость и охотно развязывал мошну, когда необходимо.

– Кай дока по части денег, – отрекомендовал Марк компаньона, чтобы возвысить его в глазах верблюжатника. – С ним мы не прогадаем. А если и ты не подкачаешь, то все мы сегодня станем чуточку богаче.

– Я-то не подкачаю, – пообещал Халим, перестав кривить лицо. – Следующим против тебя выйдет один здоровый фризец. Выше тебя на две головы. И я беспокоюсь, как бы ты не подкачал.

Марк закончил с переодеванием, встал перед зеркалом и начал разминаться.

– Фризец орудует тяжелым топором на длинном древке. Носит на груди бронзовую пластину. Но пузо оставляет голым. И есть у него еще один изъян – он медлителен. Порхай вокруг него, как ты умеешь, и, может быть, удача улыбнется тебе. К тому же фризец на днях потянул плечо и теперь справа бьет коротко, и все по ногам, а слева, наоборот, – через чур замашисто.

– Значит, ты предлагаешь ловить на долгом замахе, – уточнил мах, демонстрируя замашистый удар, – и уходить от короткого? – Марк подпрыгнул, глядя на себя в зеркало.

Халим не ответил. Он перевел взгляд на Кая и сказал ворчливо:

– И все-таки, твой приятель мне не нравится. Он напоминает напуганную свинку. Хрю-хрю! – неожиданно визгнул Халим и подскочил к Каю. – Бой начинается! Иди, колдуй со ставками. Я сегодня хочу заработать на дорогую шлюху.

Когда Марк вышел на арену, он убедился, что Халим несколько не преувеличивал расписывая фризца и вправду оказался необыкновенно крупным. Примерно, восьми пальмов²⁰ росту и с целым пассом в плечах. Глянув на него, Марк Красс проникся к себе состраданием: «Везет мне сегодня на великанов». Противника, к тому же, отличала решительность и злобность – он сам рвался в драку. Только Марк заступил на песок, как фризец с диким воплем бросился навстречу.

Боевой топор фризца просвистел в дигите²¹ над головой Марка. Молодой нобиль едва успел пригнуться. «А теперь по ногам», – вспомнил он подсказку Халима. И подпрыгнул над топором, разрезавшим воздух понизу.

Марк носился по арене, а фризец преследовал его. Фризец махал огромным топором, а Марк пригибался, когда удар наносился сверху, и подпрыгивал, когда удар наносился снизу. «Интересно, на сколько хватит этого детину?» – думал Марк с тоской, совершая нехитрые кульбиты.

Упражняясь таким манером, Марк успел заметить, что противник, по молодости лет и неопытности, чрезмерно горяч. Силы его не убывали, а вот терпения становилось все меньше. И едкий запах раздражения повалил от него, как смрад исходит от гниющей туши. Великан перестал думать о защите и был теперь озабочен только тем, как побыстрее достать врага. Удары его сделались размашистей, и часто топор заносило в сторону.

В один из таких моментов Марку удалось зацепить кончиком клинка его бедро. Лезвие едва коснулось кожи и только слегка оцарапало, но это привело великана в ярость. Он зарычал и со всей мощи так ударил топором, что тот зарылся в песок по обух.

---

²⁰ Пальм – длина растопыренной ладони мужчины от кончика большого пальца до кончика мизинца.

²¹ Дигит – толщина большого пальца мужчины.

Марк, дразня противника, задергался на месте, выплясывая фризскую джигу. От издевательства великан совсем потерял рассудок. Он взвыл. Занес топор высоко над головой и тем полностью открылся. Марк только этого и ждал. В тот же миг он шагнул вперед, в стремительном выпаде выбросил навстречу противнику плечо, и клинок гладиуса мягко вошел в плоть великана, пониже ребер, в «голое пузо», как выразился Халим.

Меч вошел всего-то на палец, но это ошеломило фризца. От вида собственной крови он мигом потерял кураж. Колени у него подогнулись. Склонившись, он схватился за живот и стал смотреть на то, как меж пальцев проступает кровь.

В высоком подскоке Марк запрыгнул фризцу на плечи. Ухватился за вихрастый рыжий чуб и, задрав его голову к небу, приставил к горлу лезвие меча, будто собрался свежевать барана.

Трибуны взорвались овацией. Кто-то захохотал, а кто-то начал улюлюкать. И удар в гонг возвестил о победе Марка.

После этого был еще один выигранный бой. Перед тем, как выпустить Марка на арену, оливковый Халим предупредил:

– Спитамен не то, что двое предыдущих, он боец серьезный. С ним тебе никак не совладать. Чтобы помочь тебе, я подрезал ремешки его сандалий. Выжидай момент, когда они порвутся. Это твой единственный шанс.

Спитамен вышел в тяжелых доспехах, в какие облачаются воины восточной империи: кожаный панцирь, двухслойная кольчуга до колен, войлочные рукавицы, шлем с шишаком, а на ногах вовсе не сандалии, а длинные чулки из толстой кожи, к которым ремешками прикреплялись деревянные подошвы. Из оружия он имел длинный иберийский меч и большой круглый щит, который удерживают горизонтальным захватом. Щит был выкрашен в синий цвет, и в центре его красовалась морская дева в непристойной позе. Халим сказал, что многие засматриваются на нарисованную шлюху, и тогда хитрый единобожец их разит.

Дева на щите была выписана очень живописно. Пышные формы, влекущий взгляд. Но Марк в жизни видел красавец и почище, и ему интересней было смотреть на самого единобожца. Смотреть ему в глаза и ощущать то, чем от него пахнет. А пахло от того луковой похлебкой, skutарским вином, и еще барсучьим жиром, который используют при ушибах. Но над всеми ароматами витал дух опасности. И этот последний запах, как нашатырь, бил в нос.

Единобожец стоял посреди арены, опустив руку со щитом, и веселым взором приглашал Марка начать атаку. Меч его был зарыт острием в песок, но Марк, видевший не один бой Спитамена, знал, как славно тот умеет подсекать с такого положения – закругленным пассом, вскидывая клинок снизу к чреслам.

Марк для поединка с единобожцем заменил кавалерийский щит на массивный skutум и дополнил вооружение дротиком. Древяк последнего было изготовлено из маренного дуба, а длинный, распускающийся двумя лепестками наконечник выполнен из мягкой бронзы. Такой дротик весьма увесист, и называется он *пилум*. Он пробивает щит с тридцати шагов. Войдя в древесину, мягкий наконечник сминается, после чего его невозможно выдернуть из дерева. Тяжелое дубовое древяк клонит щит к земле, и тогда щит становится обузой, и его бросают.

– Марк Красс! – прокричал Спитамен, вдоволь налюбовавшись на осторожного противника. – Твой skutум не окован. Я расколю его в четыре удара. Если сомневаешься, поставь серебро против золота. Посмотрим, чья возьмет! – пружинистым шагом единобожец двинулся на Марка.

Иберийский меч в длину едва не дотягивает до двух градусов, имеет широкий клинок, у которого полая часть для утяжеления залита свинцом. Это оружие не создано, чтобы фехтовать, им не колют, как гладиусом, а рубят, причем ловчей, нежели топором. «Но кто тебе предоставит время и возможность для четырех ударов? Уж точно не я».

Марк заслонился щитом и выставил поверх него пику. Его дротик против обычного имел в длину не шесть пальмов, а восемь. Им можно было удерживать противника на расстоянии.

Марк не заметил, как Спитамен увернулся от первого удара и утолщением щита в его центре поддал в бок по древку пики. В тот же миг единобожец нанес рубящий удар по skutumu. Большая щепка отлетела от дерева, кожа и войлок разорвались, и в верхней части щита образовалась щербина.

– Так тебе будет лучше видно мою девочку, – крикнул Спитамен. – Посмотри, ромлин, она смеется! Ей весело от того, как резво ты пятишься.

А Марк и вправду пятился, причем, как справедливо заметил насмешник, резво. «Что я делаю? – забеспокоился Марк. – Мне надо стоять на месте. Пусть он крутится вокруг меня! Ему-то с его невесомым щитом это куда легче». Противник будет крутиться, наскакивать, совершать обходы, броски, подумал Марк, а он будет прятаться за щитом, пока тот цел, и дожидаться, когда у единобожца на ремешках порвется кожа. И чем настойчивей и стремительней противник будет совершать маневры, тем быстрее то случится.

Спитамен сделал два ложных выпада подряд. С третьим выпадом он ударом меча плашмя по пилуму отбил его удар, и тут же, выбросив ногу в бок, вышел на разворот. Он выписал клинком сверкающий дугу и сильно рубанул понизу. От щита откололся нижний левый угол.

«Пожалуй, четырех ударов не потребуется, – с печалью отметил Марк. – Хватит и трех, чтобы я остался без прикрытия».

Удачный маневр понравился и самому Спитамену. Чтобы не дать противнику опомниться, он поспешил повторить заход.

– Марк Красс! – крикнул он задиристо. – Твое серебро, считай, у меня в кармане. А твоя смерть на острие моего меча!

Противник скакнул вправо, скакнул влево, и Марк, не целясь больше в лицо, вложив всю силу в удар, вогнал свой дротик в размалеванный щит единобожца, вогнал по набалдашник пики. Затем Марк выпустил древко и с силой качнул его. Легкий щит противника под тяжестью маренного дуба чуть накренился, и древко пилума тупым концом уткнулось в землю.

В этот момент Спитамен выходил на новый разворот. Кренясь, щит потянул единобожца за собой, и того немного занесло. Щит накренился еще больше, отчего древко засевшего в нем пилума тупым концом уткнулось в землю. Оно вспахало глубокую борозду длиной почти в два пасса, зарываясь в песок, и встало.

Вместе с дротиком встал и щит. А единобожца все уносило на развороте. Он не смог удержать равновесие и спотыкнулся. Ступня выставленной вперед ноги скользнула по деревянной подошве, ремешки натянулись и лопнули там, где их надрезал Халим. Единобожец, не понимая, что с ним происходит, с грохотом рухнул на землю.

Противник стоял на четвереньках, открыв спину для удара. Марк отбросил щит и вытащил меч из ножен. Но бить по спине не стал – ее защищала двойная кольчуга. Марк нацелился в шею. Ухватившись за рукоять меча двумя руками, Марк ударом сверху вниз вогнал клинок, точно кол, под череп. Противно хрустнули позвонки, и раздалось то, что опытные бойцы называют «стон металла» – бронза со вздохом ухнула, ломая кости.

Единобожец рухнул замертво.

Сначала над ареной нависла тишина – ни шороха, ни вдоха. А потом, будто гром грянул. Все, кто находился на трибунах, разом заголосили: одни завизжали, другие завыли, третьи запричитали. Марк с минуту смотрел на поверженного противника и не мог взять в толк, как удалось ему такое.

«Это первая жизнь, что я забрал», – только и пронеслось в его голове.

Марк подобрал изрубленный щит и едва живой побрел с арены. Щит обломленным углом чертил на песке глубокую борозду.

Халим, встретив его в бойцовской, принял оружие, похлопал по плечу и сказал с одобрением:

– Неплохо, ромлин, совсем не плохо.

– Жив? – поинтересовался Марк, доковыляв до скамьи и плюхнувшись на нее мешком.

– Где уж, – ответил верблюжатник. – Мертв. А жаль, хороший был боец.

Кай прибежал в бойцовскую вслед за Марком.

– Вы представить не можете, какая давка сейчас у кассы! Половина игроков спешит переписать заявки. Марк Красс, если ты сумеешь выиграть последний бой, мы сорвем небывалый куш!

Марк, вполуха слушая восторженный лепет Кая, избавился от поножей и претугов, затем снял кольчугу и панцирь из вареной кожи, а когда начал стягивать пропитанную потом стеганную рубаху, вдруг застонал и замер – судорогой свело мышцы на спине.

– Ты в порядке? – поинтересовался Кай.

– Нет, – Марк натужно улыбнулся. – Я вовсе не в порядке.

– Больно?

Марк, крикнув, стянул рубаху.

– Кай, – жалобно проговорил он, оставшись в одной тунике, – со вторым, подобным Спитамену, я не справлюсь. Даже, если Халим сподобится на чудо, – потная туника противно липла к телу. Марк поморщился. – Так что тебе лучше снять мой лот. Пока не поздно.

Кай Друз взмолился:

– Что ты говоришь. Победа сулит нам не меньше трехсот квинариев. Умоляю тебя, Марк, не падай духом.

– Триста квинариев, – Марк усмехнулся. – Эти слова сами по себе звучат, как музыка. А услышать звон монет было и того приятней. Но, увы, – Марк развел руками, – у меня нет шансов.

В ответ на печальный тон приятеля оливковый Халим нахально ухмыльнулся:

– Оказывается в твоей башке погуще чем в твоей мошне. Спитамен был хорош, а Зарин по-настоящему красавчик. Он от тебя и мокрого места не оставит, если ты вздумаешь выйти против него. Но я-то считал, что ты дурак, и потому сподобился, как ты сказал, на чудо. Зарин после каждой схватки пьет кобылье молоко, вы знаете? Так вот я подмешал в его питье мышьиные кашки. Намел их в кладовой. Целый куль, представьте. Кошмар, как там нагадили! Надо будет кошку завести, – добавил верблюжатник рассудительно.

– И что? – поинтересовался Кай.

– Кошка мышек быстро изведет, вот что.

– Я про дерьмо.

– А что дерьмо? – Халим пожал плечами. – Дерьмо оно и есть дерьмо. А если не знаешь, что это такое, попробуй – мигом пронесет.

Кай опешил.

– Ты Зарину понос устроил?

– А я о чем твержу. Лошадник уже полчаса, как засел в уборной. И не понятно, когда он выйдет. Так что пойду-ка я, объявлю, что Зарин выступать не может.

– Одно не пойму, – проговорил Кай с недоверием, когда Халим поднялся и направился к выходу, – как Зарин мог выпить такое отвратительное пойло? Выпить и не почувствовать дерьмо на вкус?

– Да, ты и впрямь ничего не знаешь. Зарин пьет свое молоко с жидким камнем, – Халим задержался в дверях и глянул на Кая с высокомерием. – Мумиё называется. Тот, кто пьет мумиё, делается сильным. И кости у него не болят. А пахнет это мумиё, как дерьмо, мышьеиное дерьмо. Вникаешь? Вот Зарин и не заметил, что выпил на самом деле. Выпил приготовленное

мною поило и бровью не повел. Так что тебе следует поблагодарить меня, – обратился верблюжатник к Марку, – меня и мышек. Я и их какашки продлили твою жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.